

Ханна Р. Величко

Ханна Р. Величко

«Перепутье. Ночь мёртвых»

«Автор»

2026

Р. Величко Х.

«Перепутье. Ночь мёртвых» / Х. Р. Величко — «Автор», 2026

Заблудившаяся в лесу девушка выходит к старому отелю на перекрёстке дорог. Здесь пахнет ладаном и сыростью, часы меняют резьбу каждую ночь, а по коридорам ходит чёрный кот, который знает больше, чем говорит. Здесь древние боги требуют жертв. Здесь дары отеля дают второй шанс — и забирают жизнь. Здесь хозяйка смерти устала от своего бремени, а хозяин отеля боится того, кем является на самом деле. Ей дают год. Год, чтобы понять, кто она теперь. Год, чтобы не стать монстром. Год, чтобы не исчезнуть. Что скрывает отель на перекрёстке дорог? И чем придётся заплатить за второй шанс? Первая книга трилогии «Перепутье». Мрачная мистика о месте, где реальность переплетается с мифом, а одиночество становится единственным спутником тех, кто застрял между мирами.

© Р. Величко Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	30
ГЛАВА 8	33
ГЛАВА 9	37
ГЛАВА 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ханна Р. Величко

«Перепутье. Ночь мёртвых»

ПРОЛОГ

Кап. Кап. Кап.

Вода срывалась с прохудившейся кровли и падала на истлевшие доски. Звук — единственное, что нарушало безмолвие. Он наполнял храм, как песочные часы наполняют время — равномерно, неумолимо.

Тишина здесь — особенная. Не той, что рождается из отсутствия звуков, а той, что давит. Густая, осязаемая, она окутывала, заставляла дышать медленнее, осторожнее. Каждый вдох мог нарушить что-то важное.

Заброшенный храм приютился на опушке леса. Внутри — ряды скамей, разномастных, словно собранных из разных эпох. Кое-где вместо скамей стояли табуреты, искажённые временем ещё сильнее. Редкие посетители лишь подчёркивали унылую заброшенность этого места.

Взгляды скользили по полу, избегая друг друга. Каждый нёс свой груз, свою боль, свою невысказанную просьбу. Их объединяло одно — одиночество. Оно было здесь главным божеством.

Старик на первой скамье медленно поднял голову. Его взгляд остановился на трещине в стене, где пробивался тонкий росток травы. В этом крошечном, упорном проявлении жизни было что-то большее, чем растение. Он закрыл глаза, и на его лице появилась едва заметная улыбка.

Женщина в углу сжимала старую, выцветшую фотографию. Её пальцы гладили изображение, словно пытаясь вернуть к жизни застывшие на нём мгновения. Слеза скатилась по её щеке — часть её беззвучной молитвы.

Кто-то в дальнем углу шевелил губами, творя молитву — старым богам или новым, тем, кому суждено услышать. Его голос был беззвучным, но стены храма, казалось, вибрировали в ответ.

Воздух пах плесенью, сырой землёй и едва уловимым ладаном — призраком ушедшей веры, памятью о тех, кто когда-то наполнял этот храм голосами.

Время текло. За стенами бушевал ветер. А внутри холод и сырость создавали ощущение бытия, пусть и призрачное.

Стихал дождь. Воцарялась тишина. Но теперь она была иной, у каждого своя.

Одиночество всегда было, есть и будет. Как молитва. Как время. Как тишина между каплями.

Люди ждали. Каждый — своего. Кто-то — смерти. Кто-то — прощения. Кто-то — того, кто наконец услышит. Но тишина не отвечала. Только капли — ровные, бесконечные — падали на истлевшие доски.

А пока — только капли. Только тишина. Только ожидание.

ГЛАВА 1

Девушка стояла на перекрёстке и не помнила, как сюда попала.

В голове — пустота. Не та, когда забыл, куда положил ключи. Другая. Глубокая. Кто-то вырезал кусок памяти. Осталась только картинка: лес, дороги, расходящиеся в четыре стороны, и здание, напротив.

Воздух — холодный, сырой, липкий — пах прелой листвой и чем-то ещё, что она не могла или боялась узнать.

Она вертела головой, но вокруг — только лес, дороги и это здание.

Перекрёсток зарос кустарником. Асфальт потрескался, в рытвинах стояла вода — в каждой луже отражалось серое, тяжёлое небо. Земля здесь была старой и уставшей. Она давно забыла, когда по этой дороге последний раз ехали машины. Или притворялась, что забыла.

Здание смотрело на неё тёмными провалами окон. В этом взгляде не было ничего дружелюбного. Только холодное, безмолвное ожидание. Оно стояло здесь давно — она чувствовала это кожей. Стояло и ждало. Может быть, её.

Она обернулась, пытаясь найти дорогу назад. Лес сомкнулся за её спиной плотной стеной. Его и не размыкали. Ветви сплетались в чёрную решётку, за которой — только тьма. Только вперёд, к этому месту.

Здание стояло на небольшом возвышении, окружённое с двух сторон лесом. Но позади, насколько хватало глаз, простиралось поле. Пустое, серое, уходящее к горизонту, где снова темнел лес.

Само здание было прямоугольником из тёмно-красного кирпича. Два этажа и высокая мансардная крыша под новой черепицей — тёмно-серой, почти чёрной. Крыша выглядела странно на фоне старого, выцветшего кирпича.

Окна на первом этаже, в той части, где, видимо, находился холл, были старыми — витражными, с узорчатыми переплётами. Сквозь них пробивался тусклый, янтарный свет. А все остальные окна — на втором этаже и мансарде — были новыми. Белые рамы с большими стёклами смотрели на мир холодно и безразлично.

По стенам вился дикий виноград. Мёртвые лозы цеплялись за кирпич, карабкались к крыше, обвивали оконные рамы, как чёрная, спутанная паутина.

Перед входом — небольшая парковка. Одна машина стояла у самого здания, вторая — чуть поодаль, ближе к лесу. Машины старые, потрёпанные, заляпанные грязью.

Дорога, по которой она шла, упиралась прямо в парковку. Дальше — только здание, лес, поле и тишина.

Девушка достала телефон. Экран не загорелся. Нажала ещё раз — ничего. Третий, четвёртый — молчание. Телефон был не просто разряжен. Он был мёртв. Совсем. Как лес за спиной. Как дороги, уходящие в никуда. Как тишина, которая давила на уши.

Солнце садилось. Холод становился всё более липким, настойчивым. Он пробирался под куртку, заползал под свитер, касался кожи ледяными пальцами. Джинсы и куртка промокли насквозь, к ним прилипли листики, веточки, лесная паутина. Она была грязной, замёрзшей, выдохшейся. И совершенно одной.

Она сделала шаг вперёд. Сердце колотилось в груди, но выбора не было. Девушка пошла к зданию.

Она подошла к двери и толкнула её. Та легко поддавалась — и на одно короткое, почти незаметное мгновение показалось, что дверь начала открываться до того, как она коснулась ручки. Кто-то с той стороны уже взялся за неё. Она отогнала эту мысль, шагнула внутрь.

Колокольчик над дверью звякнул — чисто, серебряно, но звук был каким-то приглушённым. Он доносился из глубины.

Свет внутри оказался ярче, чем она ожидала. На миг она зажмурилась, а когда открыла глаза — две девушки за стойкой уже смотрели на неё. Они не вздрогнули. Не удивились. Просто смотрели.

— Добрый... — голос девушки сорвался. Она прокашлялась, чувствуя, как саднит горло. — Добрый вечер. Я заблудилась. Телефон сел. Вы не дадите зарядить? Или позвонить?

Девушки переглянулись.

Одна — та, что с длинной русой косой — первой пришла в себя. На бейджике значилось: «Маришка, администратор». Она была красивой той особенной, почти сказочной красотой — светлая кожа, пронзительно-голубые глаза, пухлые губы.

— Ой, добрый вечер, — сказала она тихо, с сожалением.

Потом, спохватившись, улыбнулась — той светлой, почти сказочной улыбкой. Достала из-под стойки зарядку, протянула вместе с карточкой, где был написан пароль.

— Простите.

Она была растеряна и не знала, как правильно говорить: официально, как к гостю, или по-простому. Но она не казалась равнодушной. В её голосе было что-то ещё. Сожаление? Или знание?

Вторая девушка молчала. Тёмно-русые волосы ниже плеч, спортивная фигура, спокойное, почти неподвижное лицо. Но глаза — внимательные, тяжёлые, будто она видела больше. Её взгляд скользнул вниз, на кроссовки девушки, на грязь, примёрзшую к подошвам, на листья, прилипшие к штанам. И тут же вернулся к лицу, всматриваясь.

Девушка подключила телефон. Подождала, потом принялась названивать — маме, подругам, всем подряд. Никто не отвечал. Она пробовала разные мессенджеры, набирала номера тех, с кем общалась часто, и тех, с кем редко. Результат был один: абонент недоступен. Тишина в трубке. Мёртвая, безразличная тишь.

Её начало трясти — то ли от холода, то ли от осознания.

— Я не понимаю, — голос сорвался. — Никто не отвечает. Ни мама, ни подруги. Словно я...

Она не договорила. Слово «умерла» повисло в воздухе, тяжёлое и невысказанное.

Маришка и её напарница переглянулись. В этом взгляде было не паника — скорее сожаление.

— Связь... — Маришка замялась, — тут нестабильная. Особенно вечером. Попробуй позже. Ты заблудилась?

— Заблудилась, — повторила девушка. И не поверила себе.

— Как тебя зовут? — спросила вторая администратор. Голос у неё был низким, спокойным, почти без интонаций.

Девушка подняла на неё глаза. Помолчала.

— Елена, — сказала наконец. — Я Елена.

— Елена, — Маришка кивнула на кресла у стены, — присядь. Отдохни. Потом попробуешь ещё.

Елена отошла от стойки и опустилась в одно из кресел. Кожа была холодной, но это лучше, чем стоять на ногах, которые уже ничего не чувствовали.

«Надеюсь, меня ищут, — подумала она. — И надеюсь, у них тоже проблемы со связью».

Холл был просторным, но неуютно-пустым. Два коридора расходились от него — один налево, другой направо. Мебель, хоть и выдавшая виды, была в идеальном состоянии: тёмное дерево, мягкая обивка, бронзовые ручки. Только стойка ресепшена смотрелась чужой — слишком современная, слишком гладкая для этого места.

В холле стояли три кресла, журнальный столик и старый книжный шкаф. Но вместо книг его полки были заполнены яркими туристическими брошюрами. На них улыбались люди на фоне леса, озёр, старых усадеб. Реклама рая, в который она только что едва не попала.

Сбоку от стойки висела деревянная лестница. Ступени были отполированы до блеска — не полировкой, а бесчисленными шагами. «Сколько людей прошло здесь за годы? — подумала Елена. — Сколько поднималось вверх?»

А рядом с лестницей, точно страж времени, стояли огромные напольные часы.

Елена встала и подошла к ним, сама не зная зачем. Ноги несли её, будто повинуюсь чужой воле.

Часы были массивными, тёмными, с искусной резьбой, изображавшей сцены с животными и людьми. На вид — очень старые, может, двести лет, а может, и больше. На круговых дисках отображалось всё: часы, минуты, фазы луны, время года. Каждый диск был исписан символами, которых она не понимала, но которые казались смутно знакомыми.

Она провела пальцем по циферблату. Стекло было тёплым — почти горячим. Внутри билось живое сердце. Она отдернула руку, но через секунду снова коснулась. Тепло не исчезло. Оно пульсировало в такт чему-то, чего она не могла уловить.

Резные фигуры — люди, звери, птицы — шевелились на границе зрения. Она смотрела прямо — они замирали. Отводила глаза — двигались.

И тогда одна из фигур повернулась.

Елена не увидела этого. Просто вдруг поняла: олень, который только что смотрел в сторону, теперь смотрит прямо на неё. Она резко обернулась к резьбе. Олень замер. Но его глаза — крошечные, искусно вырезанные — теперь смотрели не туда, куда минуту назад. Она готова была поклясться.

Елена сделала шаг назад. Часы тикали ровно, спокойно. Ничего не случилось.

Но стекло под её пальцами всё ещё было тёплым.

Она перевела взгляд на циферблат. Стрелки показывали без десяти семь. Первое ноября. Она ушла в лес вчера, тридцать первого. «Значит, блуждала сутки».

Елена не заметила, что Маришка тоже бросила взгляд на часы. Всего секунду. Потом отвела взгляд и вернулась к бумагам. Но если бы Елена смотрела, она могла бы заметить: на лице Маришки мелькнул испуг.

Елена подошла ближе к лестнице. Она подняла голову, пытаясь разглядеть, что наверху, но полумрак скрывал детали. Только тени — длинные, зыбкие — ползли по стенам.

Елена вернулась к креслу, но теперь уже не могла расслабиться. Ощущение одиночества в этом старинном, безлюдном месте усилилось. Оно было здесь, в стенах, в полу, в воздухе. Оно ждало.

— Может, чай сделать? — спросила Маришка.

— Нет, спасибо, — Елена вздрогнула. — Можно просто... стакан воды.

Маришка поставила перед ней бутылку воды и стакан и исчезла за стойкой. Девушки украдкой поглядывали на посетительницу. В их взглядах было любопытство. И что-то ещё.

Елена снова бросила взгляд на часы. Почти семь. Она вспомнила, что в сумке лежат дедушкины часы — тяжёлые, старые, с гравировкой на задней крышке. Она всегда носила их с собой, но сегодня даже не вспомнила. «Странно».

Она чувствовала себя совершенно одинокой. Казалось, выхода нет. Её била дрожь от усталости и холода. Она никак не могла понять, как оказалась на этом перекрёстке. За эти сутки она словно растратила все эмоции и даже часть воспоминаний.

Чтобы отвлечься от подступающей истерики, она взяла прейскурант отеля. Цены оказались доступными, в стоимость входил завтрак. «Переночевать здесь, — подумала она. — А утром решать».

— А можно снять номер на ночь? — спросила Елена.

Девушки посмотрели на неё.

— Да, конечно, — ответила Маришка и, назвав цену, стала подбирать комнату.

Часы в холле пробили семь. Она не заметила, как прошло десять минут. Один удар — низкий, долгий, как кто-то ударил в колокол под водой.

Елена вздрогнула, когда циферблат ожил: круги начали вращаться, сплетаясь в причудливые узоры, прежде чем занять свои места. Она не могла оторвать взгляда.

Когда всё замерло, пришло осознание: «Её ждут».

Она поднялась и направилась к стойке. Из сумочки достала паспорт и деньги. Взгляд Дивии был спокоен и внимателен. Елена узнала её имя, когда Маришка обратилась к напарнице. Но в этом взгляде читалось что-то неуловимое. Будто она знала о ней больше, чем говорила.

Маришка явно куда-то спешила: закидывала вещи в рюкзак, натянула куртку поверх формы.

— Смена закончилась, — Маришка вышла из-за стойки, на ходу застёгивая куртку. — Дивия меня отпустила пораньше. У неё ночная, у меня утренняя. Увидимся в девять.

— Спасибо, — сказала Елена.

Маришка уже взялась за ручку двери, но обернулась:

— Спи спокойно, лялька. Завтра всё наладится.

Улыбнулась — той светлой улыбкой, от которой хотелось улыбнуться в ответ. И выскользнула на улицу.

Дивия вздохнула. Тяжело, будто несла груз, который не выбирала.

— Елена, я проведу тебя в комнату. Идём.

Она сделала шаг к лестнице и добавила, не оборачиваясь:

— Меня зовут Дивия. Добро пожаловать в «Перепутье».

Елена уже сделала шаг, но вдруг остановилась.

— А телефон... — она указала на аппарат, всё ещё подключённый к зарядке.

Дивия проследила за её взглядом, пожала плечами и выдернула шнур из розетки.

— Держи. Но не надейся. Здесь сеть слабо ловит.

Елена приняла телефон, сунула в карман.

— Спасибо, — выдохнула она и направилась к лестнице.

Она подняла голову и посмотрела на лестницу, уходящую вверх. Там, на втором этаже, её ждала комната.

ГЛАВА 2

В сумерках по лесу шёл мужчина в тёмно-зелёном брезентовом плаще. В руках — ружьё.

Он вышел не охотиться — только проверить медведя, который ещё не залёг в спячку. Ему нужно было убедиться, что зверь рядом с берлогой. Скоро должны были приехать охотники, заплатили неплохие деньги.

Этого медведя он не встречал ни разу. Только на фотографиях со случайных фотоловушек, которые ставили приезжие зоологи. Медведь был старым и крупным — самым большим в этих местах.

«Глупцы», — подумал он о будущих охотниках. Но от денег отказываться не хотел.

Он шёл медленно, стараясь не шуметь, всматриваясь в глубь леса. Где-то вдалеке завыл волк. Он прибавил шаг. Ночью в лесу испытывать судьбу не хотелось, и он повернул назад к машине.

Около получаса ушло на дорогу до машины. Обратный путь дался легко. Лес выталкивал его.

В салоне пахло сыростью и старой кожей. Он бросил ружьё на заднее сиденье, завёл мотор. Фары выхватили из темноты густые заросли елей — молчаливых стражей, хранящих тайны леса.

Он знал: завтра принесёт новые заботы. Охотники будут нетерпеливы и неопытны. Ему придётся быть их проводником, глазами и ушами. Но сейчас он хотел только одного: добраться до дома, где ждали горячий ужин и крепкий сон.

Он включил радио. Из динамиков полилась тихая, меланхоличная мелодия — эхо самого леса, провожающего его в обратный путь.

К дому он подъехал, когда ночь уже поглотила хутор.

Несколько покосившихся избушек едва мерцали тусклым светом из окон — последние угольки догорающего костра.

Хутор стоял на пригорке, в отличие от других деревень, и с него хорошо просматривалась округа. Дорога была разбитой, чёрной, но он знал каждую кочку, каждый ухаб.

Он свернул к своему дому, заехал во двор через открытые скрипучие ворота. Машина пасынка стояла на привычном месте. Но в доме не горел свет.

Он заглушил мотор. Тишина навалилась сразу — густая, давящая, она заполнила салон быстрее, чем холод. Где-то в лесу ухнула сова. И снова тишь.

Кузьмич вышел из машины.

— Зар? — позвал он. Голос прозвучал глухо, будто стены поглощали звук.

Тишина.

Он забрал вещи — тяжёлые от сырости — и ружьё. Поднялся на крыльцо. Дверь была приоткрыта, зияла чёрным провалом. Он толкнул её — петли не скрипнули. Кто-то смазал их перед уходом.

— Зар? — снова позвал.

Ни звука.

Он шагнул в прихожую. Пахло пылью и старым деревом. Скинул сапоги, стянул промокший плащ. Крикнул громче — почти выкрикнул:

— Зар! Ты дома?

Только его собственное дыхание. И где-то далеко — капля, сорвавшаяся с крыши.

Он прошёл в горницу, включил тусклую лампочку. Свет упал на пустые стулья, нетронутую кровать, холодную печь. Всё было на своих местах. Кроме Зара.

Вещи он бросил в угол. Ружьё убрал в шкаф, запер на ключ. Поставил чайник на плиту — чугунная конфорка дышала холодом, плита давно остыла. Тишина за спиной была такой плотной, что, казалось, её можно было потрогать.

Он сел на табурет. Замер. Ждал.

Секунды тянулись медленно. Он смотрел на дверь, прислушивался к каждому шороху за окном — ветер, сухая ветка, скрип старой избы.

«Где он? Куда мог пойти в такую ночь?»

Он вспомнил, как несколько лет назад Зар уже пропадал. На сутки. Вышел утром в лес и не вернулся. Кузьмич обошёл все тропы, охотничьи лабазы, все места, где они бывали. Нашёл его под вечер следующего дня — сидел на поваленной берёзе, смотрел в одну точку, не реагировал на голос. Потом встал и пошёл домой. Ничего не объяснил. С тех пор Кузьмич перестал спрашивать, куда тот уходит.

Кузьмич вспомнил, как Зар появился в его жизни.

Зар был сыном его второй жены. Она родилась в этих местах, но долго прожила на севере, откуда и вернулась с сыном, когда заболела. Ей рассказали про местную старуху-ведунью, которая могла бы её исцелить. Вот она и стала приезжать на хутор, а потом и вовсе поселилась в одном из пустующих ветхих домов.

Кузьмич часто помогал ей по хозяйству: то крышу починить, сквозь которую просачивались дожди, то забор, что едва держался, то свет провести — он так часто гас, оставляя их в темноте. А когда понял, что бывает там чаще, чем в своём собственном доме, где стены хранили лишь его собственные печали, предложил ей с сыном перебраться к нему. Она с какой-то обречённой надеждой в глазах предложила жениться и усыновить мальчика. Кузьмич согласился — детей у него не было, а к пацану он уже относился как к родному.

Сначала всё было хорошо. Жене даже стало лучше — может, от отваров бабки, а может, от тихой размеренной жизни в этих местах, где время текло медленно, как река забвения. Они даже прожили пару лет вместе, пытаясь ухватиться за ускользающее счастье. Мальчик считал его своим настоящим отцом, а он его — своим сыном. Он не помнил другой жизни. Зар всегда был рядом, называл его «Батя». В лес, чинить машину, помогать местным — везде ходил за ним хвостом, точно тень. И матери с удовольствием помогал. Брал у Кузьмича машину, по первому её желанию возил куда скажет, или они все вместе ездили в город за покупками. Про родного отца Светозара жена всегда говорила, что его нет, и сразу заканчивала этот разговор. Кузьмич и не тревожил её расспросами, надеялся, что сама расскажет, когда придёт время. Но оно так и не наступило.

Три зимы назад она стала увядать на глазах, подобно цветку, лишённому воды. Превратилась в ходячий скелет — так похудела и осунулась. Последние два месяца почти не выходила на улицу, всё лежала в доме, напевала песенки на незнакомом языке, разговаривая с призраками прошлого. Кузьмич собирал деньги на лечение, но не успел. Перед смертью жена попросила быть рядом с мальчиком. Сказала, что сама будет их оберегать и направлять. И бредила, что в лесу им никогда ничего не грозит.

Она умирала в больнице, в стерильной тишине. Их не пустили к ней из-за карантина. Хоронили в закрытом гробу — не дали попрощаться. Зар замкнулся в себе и всё чаще стал уезжать из дома, беря машину Кузьмича, не предупреждая и не объясняя. А потом умудрился заработать и купить себе свою. Они перестали видеться, точно их пути разошлись навсегда. Зар всё чаще ездил в город, по деревням, в местный отель — искал что-то, чего не мог найти дома.

Кузьмич хотел отправить его учиться в город, и для этого нужны были деньги. Если раньше его и считали больше лесником — он никогда не убивал животных, — то теперь стал водить охотников. Отчаяние толкнуло. И теперь он сам всё чаще проводил время с ними, помогая им выслеживать дичь и пытаясь заработать побольше для сына.

Кузьмич тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Чайник засвистел — резко, пронзительно. Кузьмич вздрогнул, чуть не опрокинув табурет. Выключил газ, но чайник не убрал. Руки дрожали.

И в этот миг дверь открылась.

На пороге стоял Зар. Светловолосый, широкоплечий, в тёмно-зелёной куртке, замёрзший — от него валил пар. Он смотрел на Кузьмича, и в его глазах было что-то, чего тот не мог прочесть. Не злость. Не вызов. Скорее — усталость. Та самая, которая бывает, когда человек слишком долго несёт груз, который нельзя положить.

Кузьмич смотрел на пасынка. Хотел крикнуть, что так больше нельзя, что он уже не мальчик, что по ночам в лесу не шастают. Вместо этого выдавил:

— Ну? Где шастал?

Зар повесил куртку. Не торопился с ответом.

— В отеле. Потом в лесу.

— Это, значит, до ночи?

Зар кивнул.

Кузьмич хотел спросить ещё про то, почему свет в доме не зажёт, когда вернулся. Но спросил другое:

— Чай будешь?

Зар кивнул. Молча.

Кузьмич разлил чай по кружкам. Подвинул одну Зару.

— На, грейся, значит.

Зар взял кружку, обхватил ладонями. Пальцы красные, замёрзшие. Но греться не спешил.

Безмолвие затягивалось. Кузьмич не выдержал первым:

— Ну, в отеле-то всё спокойно?

Зар отпил чай, поморщился — горячо. Поставил кружку.

— Всё как обычно.

Кузьмич кивнул. За окном выл ветер, в печи потрескивали остывающие дрова.

Зар посмотрел на отчима долгим, тяжёлым взглядом. В глазах мелькнуло что-то — может, сожаление, может, вопрос, который он никак не решался задать.

— Ты чего не спишь? — спросил он наконец.

Кузьмич усмехнулся — горько, без веселья.

— Ждал. Привык уже.

Зар ничего не ответил. Только кивнул и снова взялся за кружку.

Они сидели так, в тишине. И это молчание говорило больше, чем любые слова.

Кузьмич подошёл к окну. За стеклом было темно — только смутные силуэты деревьев да чёрное небо без единой звезды. Но где-то далеко, в стороне отеля, небо было светлее. Там горел свет.

— Гости в отеле? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет. — Зар помолчал. — Пусто.

Кузьмич вглядывался в странное свечение.

— Сегодня, говорят, девушка забрела, — добавил Зар. — Заблудилась в лесу. Осталась на ночь.

Кузьмич повернулся. В свете лампы лицо Зары казалось чужим — слишком бледным, напряжённым.

— Что за девушка?

— Не знаю. Маришка сказала по телефону, городская. — Зар допил чай, поставил кружку. — Ничего, завтра разберутся.

Он поднялся, разминая спину. Прошёл к своей комнате, остановился на пороге.

— Батя, — сказал он негромко.

Кузьмич вздрогнул. Зар давно не называл его так.

— Что?

— В следующий раз скажу, если задержусь. — Зар не обернулся. — Не жди. Спи.

Дверь за ним закрылась.

Кузьмич остался один. Стоял у окна, смотрел на странный свет в стороне отеля, прислушивался к тишине за дверью сыновней комнаты.

«Девушка забрела, — подумал он. — В ночь на первое ноября. В Велесову ночь».

Он поёжился, хотя в доме было тепло. Вспомнил, что рассказывала ему когда-то старая ведунья из соседней деревни. Про ночь, когда границы между мирами истончаются. Про тех, кто уходит в лес и не возвращается. Про тех, кто возвращается, но уже не совсем людьми.

Он посмотрел на часы. Половина одиннадцатого.

«В отеле, наверное, уже погасили свет».

Но свет со стороны отеля всё ещё был.

Он задёрнул штору. Убрал чайник, выключил лампу. В темноте прошёл к своей комнате, лёг, не раздеваясь, и долго смотрел в потолок, прислушиваясь к дыханию Зары за стеной.

Тот не спал. Кузьмич знал это. Знал и то, что спрашивать бесполезно. Зар закроется, как всегда, скажет «ничего» или «всё нормально».

За окном выл ветер. Где-то в лесу кричала сова.

Кузьмич закрыл глаза. И долго не мог уснуть, слушая, как тихо в доме, и думая о том, что эта тишина — может быть, единственное, что у них осталось.

ГЛАВА 3

Пока Елена впервые переступала порог «Переputьe», Глеб ехал по пустой дороге, удаляясь от гостиницы всё дальше. Солнце только начинало клониться к закату, окрашивая небо в тёплые тона.

Его путь лежал в ближайший город — встреча со старым другом. Настолько старым, что Глеб уже и не помнил, когда их дружба зародилась. Нужно было отдать долг и забрать свою вещь.

Душу терзали сомнения. Правильно ли он поступил, оставив «Переputьe» на двух девушек? Внутри нарастало тревожное предчувствие: что-то идёт не так.

Свет фар, прорезавший вечернюю мглу, вырвал из раздумий. Эта дорога давно стала частью его самого — пустынная, бездушная, за последний год почти лишённая незнакомых лиц.

В этой глуши редко кто появлялся после заката. А днём чаще всего машины охотников да те, кто навещал родню в забытых хуторах. Туристы были не редкостью: энтузиасты дикой природы, искатели уединения у озёр и болот. Именно таких, заблудившихся или попавших в беду, им со Светозаром приходилось спасать.

Глеб вспомнил про Светозара — Зара, как его здесь все звали.

Они были дальними родственниками. Так говорили люди. На самом деле — они были одной крови. Жили неподалёку: Глеб — в гостинице, Зар — на хуторе. Встречались редко, обычно по делам отеля. Общение никогда не складывалось гладко. Да, они помогали друг другу, даже в характере находились общие черты. Но на этом, пожалуй, и заканчивалось их родство.

Дорога петляла, уводя Глеба всё глубже в сумерки. Воздух становился прохладнее, пахло влажной землёй и прелыми листьями. Город приближался, но вместе с ним росла тревога. Интуиция подсказывала: встреча с другом не будет простой.

Он подъехал к окраине. Фонари загорались один за другим, освещая мокрый асфальт. Город казался чужим, хотя Глеб знал его как свои пять пальцев. Здесь, среди этих улиц, он когда-то чувствовал себя живым. Сейчас — только смутное беспокойство.

Наконец, он добрался до нужного адреса. Старый дом, утопающий в тени раскидистых деревьев.

Он вышел из машины. В воздухе витал запах сырости и чего-то ещё — неуловимого, но тревожного. Поднялся на крыльцо, глубоко вдохнул и постучал.

Дверь открылась не сразу. Когда это произошло, Глеб замер. На пороге стоял не тот, кого он ожидал увидеть.

В это время Елена уже поднималась по лестнице вслед за Дивией.

Ступая по скрипучим ступеням, она заметила: шаги администраторши не издают ни звука. Будто та шла не по дереву, а по воздуху. Елена нарочно наступила на половицу, которая должна была скрипнуть. Та послушно скрипнула. Шаги Дивии — ни звука. «Тень, а не человек».

Весь её вид говорил: не пытайся заговорить. Полная противоположность приветливой Маришки — скорее отталкивающая, чем располагающая. В её облике читалось не столько недоверие, сколько страх. Даже брезгливость.

Но Елена решила рискнуть.

— Подскажи, пожалуйста... — голос её дрогнул. — Как называется это место? Деревня? Город?

Дивия остановилась, обернулась. Посмотрела — долго, тяжело.

— ОТЕЛЬ стоит на перекрёстке дорог. Вокруг только хутора. Самая ближайшая деревня — в двадцати километрах. Озерца. Город — в ста.

Елена не могла скрыть изумления. Дивия, похоже, находила её реакцию забавной.

— Что, далеко забрела? — криво усмехнулась она. — Хорошо, что не в болото. И одета тепло — повезло.

— Да... — Елена запнулась. — Повезло.

— Вот ключи. — Дивия вложила их в её руку. — По правой стороне, последняя комната слева. Надеюсь, не заблудишься.

Она развернулась и спустилась по лестнице. Даже не оглянулась.

Елена осталась одна.

«Сто километров. За сутки. Пешком. По лесу. Этого не может быть. Как я могла пройти столько?» — думала она. Помнила праздник, как зашла в лес, как ушла далеко и потерялась.

Медленно, как во сне, она направилась к комнате. Открыла дверь, вошла и заперлась изнутри. Разулась. Не включая света, скинула мокрую куртку и штаны, оставшись в одном свитере, и рухнула на кровать.

Достала телефон. Она снова проверила телефон. Ни одного ответа. Старые сообщения так и остались неп прочитанными. Повторяя одни и те же действия снова и снова, обессиленная, она уснула.

Девушка проснулась в густой, бархатной темноте. Лишь бледные прямоугольники окон пробивались сквозь мрак.

Несколько минут она лежала неподвижно, позволяя сознанию пробудиться. Рука по привычке потянулась к телефону — но нащупала только пустоту.

Она поднялась. Щелчок выключателя — и комната наполнилась мягким, приглушённым светом.

Просторный угловой номер. Потолки терялись где-то в высоте, два окна смотрели в разные стороны. Мебель из тёмного дерева, старинная, но бережно отреставрированная.

Одно окно открывало вид на пустынное поле, уходящее к горизонту. Другое — на густой, непроницаемый лес, обступавший здание по бокам.

Посреди комнаты — огромная кровать. В углу — массивный шкаф. У окна, выходящего на поле, — письменный стол. У второго — кушетка.

В комнате было необычайно тепло, даже душно. Но никаких видимых источников тепла — само пространство излучало этот жар.

Ванная оказалась неожиданностью. Сантехника сияла новизной, контрастируя с древностью комнаты. На вешалках — пушистые полотенца, мягкие тапочки, белоснежный халат. На полке — зубная щётка, паста, шампунь. «Кто-то позаботился об этом заранее».

Взяв мокрую одежду, Елена повесила её сушиться. Накинула халат и подошла к окну.

Перед ней расстилось поле с тёмными, зеркальными лужами. А рядом — лес. Деревья медленно покачивались, и в их движении было что-то завораживающее, почти неживое.

Она всегда любила смотреть вглубь леса, ловя то странное чувство, что за ней наблюдают. Тысячи глаз из темноты, скрытые за листвой. Это ощущение — пугающее и притягательное — всегда будоражило воображение.

Внезапный скрип пола вырвал её из оцепенения.

Она обернулась. Сердце застучало быстрее.

Никого.

Тишина вокруг казалась слишком густой. Комната затаила дыхание.

«Что это? Кто-то здесь?»

Холодок пробежал по спине. Она попыталась успокоиться: скрип — всего лишь игра старого дома, мансарда, где могли прятаться мыши. Но ощущение, что за ней наблюдают, не покидало.

Она вспомнила о телефоне.

На кровати его не было.

Осторожно провела ногой под кроватью — ничего. Сердце билось всё громче. Собрав волю, она опустилась на колени и заглянула.

Телефон лежал в самом центре. Кто-то аккуратно положил.

Она потянулась за ним. И в ту же секунду что-то теплое и пушистое коснулось её щиколотки.

Елена отдернула ногу. Быстро выбравшись с телефоном, ударилась головой о каркас.

Вокруг никого не было. Под кроватью тоже.

«Почудилось».

Она посмотрела на экран — разбитый, тёмный. Телефон не включался.

Безмолвие сжималось вокруг неё, как вторая кожа. Хотелось закричать, но звук застрял в горле.

С этими мыслями она села на кровать. Перед глазами — разбитый экран. Осколок зеркала, отражающий искажённую реальность.

Она стала ждать утра. Не просто рассвета — того, который развеет эту тьму. Она боялась выходить из комнаты. За дверью ждало нечто, чему не место в мире живых.

ГЛАВА 4

Солнце только поднималось, пробиваясь сквозь мглу. Елена моргнула. Сколько она так просидела? Ночной холод всё ещё сидел в костях. Ноги затекли и замёрзли, во рту пересохло. Жажда выгнала её из постели быстрее, чем любые мысли.

Она поднялась. Каждый сустав протестовал против движения. В ванной, под тусклым светом, из зеркала на неё посмотрела чужая женщина. Тёмные волосы спутались, смуглая кожа посерела, под глазами залегли синие тени. Обветренные губы, мелкие царапины на скулах. Она провела пальцем по одной — и не почувствовала боли. Совсем. Будто касалась не своей кожи.

«Наверное, я выгляжу ужасно», — подумала она.

Елена сняла халат и встала под душ. Горячая вода ласкала кожу, но вместо пробуждения вызывала лишь желание дремоты.

Она закрыла глаза под струями воды, пытаясь смыть не только грязь и усталость. Вчерашний день был размытым пятном страха и отчаяния, ночь — чередой неясных образов и пронзительного холода. Теперь, в тишине, мысли начали обретать чёткость.

Приведя себя в порядок, с ещё влажными волосами, Елена спустилась на ресепшен. Хотелось кофе. И нужно было взять зарядку. И узнать, как добраться до города.

Коридор встретил её гулкой тишиной и жёлтым светом ламп. Естественный свет с трудом пробивался сквозь два окна в торцах здания.

Она зашагала к лестнице, стараясь не смотреть по сторонам. Но краем глаза заметила: двери на этаже были абсолютно одинаковыми. Ни номеров, ни табличек. Только гладкое дерево и латунные ручки.

Спустившись, Елена тихо позвала:

— Доброе утро.

Из-за стойки вышла Дивия.

— Доброе, — ответила она.

Елена заметила дверь, которой вчера не видела — искусно замаскированную, она казалась частью стены за ресепшеном.

В холле царил полумрак. Солнце ещё не успело осветить эту часть здания, лишь несколько светильников на стенах давали тусклый свет. Старинные деревянные часы показывали восемь утра.

— Кофе? — спросила Дивия.

— Да... — Елена помолчала. — И можно на «ты». Мы, наверное, ровесницы.

— Сомневаюсь, — холодно улыбнулась Дивия.

— Могу я ещё раз зарядить телефон?

Дивия взяла аппарат, поставила на зарядку. Через пару минут вернулась с двумя кружками кофе, подошла к столику с креслами и кивнула:

— Присаживайся.

Дивия смотрела на неё в упор. Взгляд был тяжёлым, немигающим — так смотрят на странный экспонат.

— Рассказывай, — коротко сказала она.

Елена вздрогнула. Не вопрос — приказ. Но она сразу поняла, о чем спрашивает Дивия.

— Я... — она сделала глоток. — Заблудилась. Мы с семьёй приехали на праздник к дальним родственникам. Первый раз их видела, даже на похоронах дедушки, этой семьи не было. Их дом на окраине, у леса. Мне стало скучно, я вышла на крыльцо. Подошла их младшая дочь, предложила показать шалаш. Я пошла.

Елена быстро затараторила, чтобы не забыть те оставшиеся обрывки из памяти про этот проклятый день.

— Мы зашли в лес. Начался снег. Девочка щебетала, а я смотрела по сторонам. Потом я села на качели — отец её сделал. Раскачивалась. Смотрела в небо. А потом...

Голос её дрогнул. Она замолчала, глядя в одну точку. Её осенило: она вспомнила все.

— Потом я очнулась. Не проснулась — пришла в себя. Меня выключили, а потом включили обратно. Девочки не было. Качели скрипели сами по себе. Снег падал. А я сидела и смотрела в одну точку.

Дивия молчала.

— Я вскочила, звала её, бегала по опушке. Её не было. Только следы — маленькие, детские — уходили в лес. Я пошла по ним.

Елена сжала кружку так, что побелели костяшки, и вот-вот раздастся звук керамики.

— Звала её. Шла по следам и звала. А лес... не выпускал. Я хотела вернуться, когда поняла, что темнеет, но не нашла дороги.

Она замолчала, глотая слёзы.

— А потом уснула. Просто села на пень и отключилась. Утром проснулась и... — голос упал до шёпота. — Я не сразу вспомнила, зачем я там. Просто шла, пока не увидела этот отель. И только сейчас, когда ты спросила... я вспомнила. Я забыла про неё. Про живого ребёнка.

Она разрыдалась — громко, навзрыд, не стесняясь. Дивия сидела молча. В её глазах не было сочувствия. Только понимание. И лёгкая, едва заметная тревога.

Она выждала паузу, давая Елене выплакаться. Потом заговорила тихо, но твёрдо:

— Сделаем так. Ты идёшь наверх, переодеваешься. Потом завтракаешь. Я отвезу тебя к участковому. Ему сообщают обо всех, кто потерялся. Охотники, грибники, туристы... и дети. — последние слова она произнесла с нажимом. — Если девочка объявилась — он знает. Если нет... начнёт поиски. И тебя ему вручу, как заплутавшую.

Елена подняла на неё заплаканные глаза.

— Заплутавшую?

Дивия помедлила секунду.

— Тебя по любому ищут родные, — сказала она, но в голосе не было уверенности.

Девушка медлила.

— Иди быстрее, — сказала Дивия.

Елена поднялась к себе в номер. Она шла на ватных ногах. Все было как в тумане или замедленном фильме. В голове — только образ маленькой девочки. «Что с ней? Нашлась? Сутки в лесу — с ребёнком могло произойти всё».

Она умылась холодной водой, не глядя в зеркало. Боялась увидеть ту же чужую женщину, которая смотрела на неё ранним утром. Она включила холодную воду. Тёрла лицо с такой силой, что хотела снять кожу.

«С девочкой всё будет хорошо. И со мной тоже».

Одежда ещё не полностью высохла: штаны и свитер были сухими, куртка и кроссовки — нет. Пришлось надеть влажные кроссовки поверх сухих носков.

Утро было обманчиво ясным. Солнце заливало холл, но свет казался плоским, ненастоящим — он не грел, только высвечивал пыль в углах. Елена поймала себя на мысли, что при дневном свете отель выглядит ещё более заброшенным, чем ночью. Ночью он хотя бы жил своей таинственной жизнью. Днём — просто умирал.

Она уже почти спустилась с лестницы, когда взгляд снова упал на часы. Половина десятого. Но дело было не во времени. Елена готова была поклясться: резьба изменилась. Вчера там были олени и птицы. Сегодня — волки, застывшие в прыжке.

Она замерла, вглядываясь. Моргнула. Звери не исчезли.

«Стресс, — подумала Елена. — Сутки без еды, без нормального сна. Мало ли что померщится».

Но когда она отвернулась, краем глаза заметила движение — один из волков повернул голову и проводил её взглядом до стойки ресепшена.

У стойки регистрации её уже ждала Маришка.

— Доброе утро, — приветливо сказала она.

— Доброе, — ответила Елена.

Маришка протянула ей телефон:

— Держи.

Елена взяла аппарат, повернула разбитым экраном к себе. Телефон оставался безжизненным.

— Похоже, он окончательно ушёл в мир иной, — с лёгкой иронией заметила Маришка. — Пойдём, покажу столовую.

Она была с левой стороны от ресепшена. Туда вел маленький коридор без дверей. Войдя, перед ними открылся просторный, светлый зал. Вдоль окон и противоположной стены — деревянные столики со скамейками, по пять с каждой стороны. В дальнем конце — небольшая сцена, напоминающая сельский клуб. Справа от входа — барная стойка, за которой угадывалась дверь на кухню.

Для Елены был приготовлен столик у окна. Маришка села, напротив.

На столе лежала льняная скатерть. Уже стояли тарелки: с кашей, сырниками, хлебом и маслом. Всё было горячим.

— Приятного аппетита, — улыбнулась Маришка.

Елена опустилась на стул и принялась за еду. Она ела нехотя, хотя не прикасалась к еде уже сутки. Но вкус был удивительно приятным.

— Много здесь персонала? — спросила Елена, чтобы нарушить тишину.

— Четыре человека, — голос Маришки лился ровно. — Я и Дивия — администраторы. Арыся на кухне. Лада — уборщица.

— Лада? — переспросила Елена.

— С ближайшего хутора. Странная трохи, — Маришка улыбнулась. — С лесом разговаривает. Но убирает хорошо. Мы все здесь трохи странные — иначе бы не жили в такой глуши. Арыся и Дивия живут прямо в отеле. Глеб, хозяин, получил его по наследству. Иногда к нам заглядывают Зар или Кузьмич помочь по хозяйству.

— А как вы вдвоём справляетесь? — спросила Елена.

— Я днём, Дивия — ночью. Вдвоем тяжело. — Но она улыбнулась и добавила — Если что, Глеб и Арыся на подстраховке.

Маришка замолчала и уставилась в окно. Елена проследила за её взглядом.

На парковке, возле старого потрёпанного внедорожника, стояла Дивия. Рядом с ней — парень. Высокий, крепкий, с копной светлых волос. Даже на расстоянии в нём чувствовалась природная, звериная сила.

— Это Зар, — тихо произнесла Маришка.

Они о чём-то переговаривались. Потом Зар достал из кармана ключи, вложил их в ладонь Дивии, кивнул и зашагал прочь от отеля — прямо в лес.

— Пешком? — удивилась Елена. — А машина?

Маришка перевела на неё взгляд. В её глазах было что-то странное — смесь грусти и предостережения.

— Он никогда не пользуется машиной, когда идёт в лес. Говорит, лес не любит. А Зар с лесом... они друзья.

Елена снова посмотрела в окно, но фигура Зара уже растворилась.

— Тебе пора, лялька — голос Маришки вырвал её из оцепенения. — Дивия ждёт.

Она поднялась, и в её мягком голосе вдруг прозвучала стальная нота — нота неизбежности, от которой по спине Елены пробежал холодок.

ГЛАВА 5

Дивия сидела в пропахшем бензином и лесом внедорожнике Зара и стучала пальцами по рулю. План был прост: отвезти эту девчонку к участковому в Большие Озерцы, сдать с рук на руки и забыть. А самой — за продуктами по списку Арыси.

Зар отказался ехать. Сказал, Глеба нет — значит, он должен быть рядом с отелем. Но правило Глеба было железным: либо он, либо Зар. Кто-то из мужчин всегда должен быть поблизости.

Дивия скривилась. «Мужчины и их правила. Какого чёрта они вообще нужны?»

Елена ей не нравилась. Совсем.

В словах всё было гладко — даже слишком. Заблудилась, потерялась, девочка, лес, сутки блужданий. Но было что-то ещё. То, что Дивия не могла объяснить, но чувствовала кожей, затылком, кончиками пальцев на руле.

Слишком много пробелов. Слишком ровно она забыла про девочку в тот момент, когда вошла в отель. А потом вспомнила — ровно тогда, когда это могло вызвать жалость.

Дивия видела заблудившихся. У всех были мутные глаза, трясущиеся руки, дикий страх. У Елены — всё это было в тумане. Все чувства — через мутную призму. Прозрачная, гладкая, холодная. Не живая.

«Волк в овечьей шкуре, — подумала Дивия. — Сама невинность. Только я таких за версту чую».

Скрипнула дверь. Елена забралась внутрь, и салон наполнился запахом влажной куртки и гостиничного шампуня.

— Поехали? — голос Елены дрожал.

Дивия не ответила. Только посмотрела на неё — долго, тяжело. Потом повернула ключ зажигания. Мотор заворчал.

Машина тронулась.

«Играешь? — думала Дивия. — Играй. Посмотрим, чем кончится».

Она нажала на газ сильнее, чем следовало. Внедорожник подпрыгнул на первой же яме. «Пусть трясётся».

Асфальт давно превратился в подобие дороги — трещины, выбоины, лужи. Приходилось вилять. И в этом гулком, напряжённом молчании было что-то неправильное.

Через пять минут они проехали хутор — три покосившихся дома, чёрные провалы окон. Дивия всегда старалась не смотреть в сторону таких хуторов. Особенно тех, про которые старики говорили шёпотом.

Но сегодня она смотрела. Потому что в одном из окон мелькнул свет. Хотя там никто не жил уже лет десять. И не мог жить.

Дивия сжала руль крепче.

— Вот же... — буркнула она себе под нос. — Не хватало ещё незваных гостей.

Молчание давило. Она заговорила первой, чтобы заглушить мысли.

— Это Большие Озерцы.

Елена оживилась, подалась вперёд.

— Много людей живёт?

— Около ста восьмидесяти домов. Самая большая деревня рядом с отелем. И участковый здесь есть.

Они въехали на главную улицу. Дома тянулись вдоль дороги — старые, деревянные, с резными наличниками, и новые, кирпичные, с глухими заборами. Елена крутила головой, впитывая каждую деталь.

— Обычная деревня, — сказала Дивия. — Тут всё обычно. А вот хутора... Она не договорила.

— Хуторов нужно сторониться, — коротко бросила она. — Запомни это.

Елена, видимо, хотела спросить про хутора, но Дивия свернула к низенькому зданию с табличкой, выведенной от руки: «Участковый. Пункт милиции». Краска облупилась, буквы выцвели.

Машина остановилась. Дивия вышла, махнула рукой. Елена выскользнула следом.

Рядом выстроились несколько одноэтажных построек — местный «административный центр». Таблички на них были такими же самодельными: «Амбулатория», «Пошта», «Прадукты». Время остановилось здесь лет тридцать назад.

Через дорогу, на скамейке у покосившегося забора, сидели две бабушки. Они не щебетали — они сверлили приезжих взглядами. Дивия кивнула им — коротко, по-свойски. Бабушки оживились, замахали в ответ и тут же уткнулись друг в друга, зашептавшись.

Дивия взбежала на крыльцо участкового — и замерла.

На двери висел амбарный замок. Огромный, ржавый, с дождевыми потёками.

— Да твою ж... — Дивия выругалась и стукнула кулаком по косяку. — Какого чёрта, когда надо — никого нет.

Она сбежала с крыльца, заглянула в окно. Тёмная комната, стол, стул. Пусто. Обежала здание — машины нигде не было. Вернулась, забарабанила по раме:

— Есть кто?!

Тишина.

Она села на ступеньку, уронила подбородок на ладони.

— Уехал он! — крикнула одна из бабушек.

Дивия подняла голову.

— Надолго?

Бабушки переглянулись. Та, что в синем платке, пожала плечами:

— А кто ж его знает? Третьего дня уехал. В район.

— А когда вернётся? — спросила Елена.

Вторая бабушка, в чёрном, покачала головой:

— Не говорил. Может, сегодня. Может, через неделю. Участковый — человек занятой. Вон, где драка была, где корову украли...

Она махнула рукой куда-то в сторону леса.

— А куда именно уехал? — не унималась Елена.

Бабушки синхронно пожали плечами.

— Девонька, — спросила та, что в синем, прищурившись, — а ты по какому делу? Не местная, поди?

Елена открыла рот, но Дивия перебила:

— Она со мной. Из гостиницы.

Бабушки снова переглянулись. В их взглядах мелькнуло что-то странное. То ли понимание, то ли предостережение. Синий платок поджала губы и отвернулась. Чёрный вздохнула и устала в землю.

Дивия поняла: расспрашивать бесполезно. Она тяжело поднялась со ступенек, отряхнула джинсы и посмотрела на Елену.

Та стояла, сжимая в руках разбитый телефон, и в её глазах плескалась такая растерянность, что даже у Дивии кольнуло где-то под ложечкой.

— И что мне делать? — тихо спросила Елена.

Дивия посмотрела на неё долгим взглядом.

— И что нам делать? — поправила она, выделив слово «нам».

В этом «нам» было всё: и принятие неизбежности, и злость на себя, и холодное предчувствие.

Они просидели в машине в ожидании. Час. Два. Три. Елена перестала следить за временем. Дивия молчала, вцепившись в руль мёртвой хваткой.

— Бесполезно. — Дивия завела мотор. — У меня дела. Сначала за продуктами. Потом отвезу тебя в город. Там разберутся. Может, в милицию заявишь. Может, домой доедешь.

Это было не предложение. Приговор.

Следующие два часа они мотались по деревне. Дивия заезжала в какие-то дворы, выходила, возвращалась с пакетами. Потом затащила Елену в дом к старухе — «отужинать». Бабка оказалась приветливой, draniki — горячими, хрустящими, с золотистой корочкой, чай — терпким. Елена ела и чувствовала себя лишней. Чужой.

Когда они выехали на трассу, солнце клонилось к закату.

Дорога была пустой. Дивия ехала медленно. Елена прилипла к окну, разглядывая серые, умирающие поля. Ноябрь.

Она уже начала задрёмывать под мерный шум мотора, когда что-то заставило её открыть глаза.

Белое пятно. Прямо на дороге.

— Смотри! — крикнула она, вцепившись в сиденье.

Дивия и сама уже увидела. Девушка стояла посреди трассы — босая, в длинной ночной сорочке, с растрёпанными волосами. Одна рука была вытянута в сторону леса. Она улыбалась.

— Уйди! — заорала Дивия, вдавливая клаксон. — Уйди с дороги, какого чёрта!

А потом её голос сорвался:

— Тормоза... тормоза не работают!

Девушка смотрела на них сквозь лобовое стекло — не мигая, не отрываясь. На её губах играла улыбка — спокойная, почти ласковая.

Дивия рванула руль в сторону. Машина дёрнулась, но вместо того чтобы вывернуть, налетела на невидимую стену.

Удар. Скрежет металла. Мир перевернулся.

А потом — темнота.

ГЛАВА 6

Елена очнулась от боли.

Казалось, болело всё: голова, шея, руки, колени. Лёгкие обожгло, когда она попыталась вдохнуть. Вокруг был перевёрнутый мир. Машина лежала на боку, стёкла выбиты, из-под капота валил густой белый дым. Пахло бензином и горелой проводкой — запах был таким резким, что к горлу подступила тошнота.

«Не взорвётся, не взорвётся, не взорвётся», — стучало в висках.

Она повернула голову. Водительское сиденье было пусто. Совсем пусто.

— Дивия?

Голос прозвучал как хриплый шёпот. Она откашлялась — и боль в груди стала невыносимой. Кто-то сжал рёбра в кулаке.

— Дивия!

Тишина. Такая плотная, что закладывало уши, — крик растворился в ней, не оставив следа.

Трясущимися пальцами Елена отстегнула ремень. Упала, ударившись плечом о потолок — теперь он был полом. Она выбралась через разбитое окно, осколки стекла впились в ладони. Она не почувствовала боли — только странное тепло, которое быстро сменилось липкой, горячей влагой. Кровь. Её собственная кровь.

Ноги подкосились, она рухнула на колени прямо в грязь. Холодная, мокрая земля противно чавкнула под тяжестью тела. Елена встала. Сделала шаг. Ещё один.

— Дивия!

Только ветер. Только шорох сухой листвы, которую ветер срывал с веток и бросал ей под ноги. Листья падали на плечи, цеплялись за волосы, и в каждом шорохе ей слышался шёпот.

Она обошла машину. Раз, второй. Заглянула под неё, в кусты рядом. Ничего. Ни следов, ни капель крови. Только осколки стекла, хрустящие под ногами, и покорёженный металл, из которого торчали какие-то детали. Дивия исчезла. Словно её никогда и не существовало.

И тут раздался смех.

Он был лёгким, игривым, совсем юным. Смеялась девушка — где-то рядом, но Елена не могла понять, где. В голове? Снаружи? Она замерла, вслушиваясь, и волосы на затылке зашевелились.

Смех повторился. Теперь она поняла — с той стороны дороги.

Елена медленно повернулась. Каждый сантиметр этого движения давался с трудом, мышцы шеи свело судорогой — тело не хотело смотреть туда.

Девушка стояла у самой кромки леса — босая, в длинной белой сорочке до пят. Сорочка была тонкой, почти прозрачной, и под ней угадывалось тело — слишком худое, с резкими очертаниями ключиц и рёбер. Волосы растрёпаны, на ветру они шевелились, как живые. Она хохотала, запрокинув голову, и в свете угасающего дня её горло казалось неестественно белым, почти светящимся.

Потом она вдруг замерла и поманила Елену рукой. Жест был медленным, плавным. Рука двигалась не по воздуху. Сквозь воду.

Что двигало Еленой — адреналин, отчаяние или злость за Дивию, — она не знала. Она рванула через дорогу, перебирая ноющими ногами. Перебежала, остановилась в двух шагах от незнакомки, открыла рот, чтобы спросить...

И замерла.

Глаза девушки были белыми. Без зрачков, без радужки, только белая, бесконечная пустота. Елена смотрела в них и чувствовала, как внутри всё обрывается. Не страх — что-

то другое. Древнее. То, что живёт в самом низу позвоночника и помнит времена, когда люди прятались в пещерах от того, что бродило в темноте.

— Тебе не больно, — сказала девушка.

Голос её был тихим, но он звучал отовсюду — из леса, из неба, из самой земли под ногами. Елена вздрогнула.

— Что?

— Уже день как не больно. — Девушка улыбнулась. — Тот, кто мёртв, не чувствует боли. Это всё в твоей голове. А тело уже не твоё.

Она снова рассмеялась. Смех звенел в ушах, отражался от деревьев, множился, окружал со всех сторон. Елена зажала уши — но смех не стих. Он был внутри.

— Значит, я умерла в аварии? — выдавила она, и голос её дрожал так, что слова рассыпались.

— Нет. — Девушка склонила голову, разглядывая Елену, как забавную зверушку. В её белых глазах не было ничего — ни любопытства, ни злости. Только пустота. — Пойдём. Я тебе кое-что покажу.

Она развернулась и зашагала в лес. Босая, по холодной земле, по острым камням и сухим веткам. Елена смотрела, как её ступни опускаются на колючие сучья, на замёрзшие кочки, — и девушка не вздрагивала. Не чувствовала.

— Я не пойду, — сказала Елена. Слова прозвучали жалко, по-детски.

Девушка остановилась. Не обернулась.

— Тогда оставайся, — сказала она. — Только Дивию ты не найдёшь. И дороги назад не будет. Лес не выпускает тех, кто в него зашёл.

Она сделала шаг. Ещё один.

Елена стояла. В голове билось: «Я умерла». Она пыталась понять, что должен чувствовать мёртвый. Пустоту? Покой? Но она чувствовала страх. Тревогу. Холод нашёл её даже под курткой — пробрался под свитер, прильнул к коже, как чужое дыхание.

Девушка скрылась за деревьями.

— Подожди! — крикнула Елена и побежала за ней.

Лес встретил её тишиной. Не той, что бывает в морозный день, когда всё замирает, — другой. Злой. Ветки не просто шевелились — они тянулись к ней, хотели коснуться. Елена чувствовала на себе взгляды — сотни взглядов из темноты. Она не оборачивалась. Боялась увидеть.

— Давай смелее! — крикнула девушка, не оборачиваясь. — У тебя же ножки не болят!

Елена прибавила шаг. И правда — колени не отозвались болью. Рёбра перестали ныть. Голова стала лёгкой, почти невесомой. Тело слушалось, но это послушание было странным — она двигалась не сама, а кто-то вёл её за ниточку.

— Быстрее! — веселилась незнакомка. — Мы почти пришли.

Изба выросла перед ними внезапно. Только что был лес — и вот, стоит, словно всегда здесь была. Старая, покосившаяся, вся во мху, с провалившейся крышей и сгнившим крыльцом. Окон не видно — может, заколочены, может, их там и не было. Изба стояла на одной ноге — толстой, корявой, поросшей грибами и лишайником. Куриная нога.

Елена смотрела на неё, и в голове билось: «Этого не может быть».

— Заходи! — скомандовала девушка.

Елена толкнула дверь. Та поддалась не сразу — пришлось дёрнуть с силой, так, что изба жалобно скрипнула. Не хотела впускать. Внутри — тьма. Абсолютная, густая, такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом. Дверь захлопнулась за спиной с глухим, влажным звуком — отрезала путь назад.

— Осмотрись, — раздался голос из темноты. — Будь как дома.

И тут вспыхнул свет — резкий, холодный, неестественный. Не от свечи, не от лампы — прямо из ладони девушки. Огонь плясал в воздухе, но он был не жёлтым и не красным, а каким-то другим — белым, почти прозрачным, и он не грел. От него веяло холодом.

А в центре комнаты стоял гроб.

Массивный, деревянный, с резными узорами. Елена смотрела на него и не могла двинуться с места. Она знала, что увидит внутри. Знала — и боялась до онемения.

— Задай свой вопрос, — голос девушки стал тише, серьёзнее.

— Я... я сплю? — прошептала Елена.

— Нет, глупая. — Девушка улыбнулась.

И на секунду — только на секунду — её лицо изменилось. Кожа стала тоньше, прозрачнее. Сквозь неё проступило другое лицо — старое, морщинистое, с глубокими провалами глазниц. Елена моргнула — и снова перед ней была просто девушка. — Я же сказала: ты умерла. Посмотри. Если не веришь.

Елена подошла к гробу. Ноги дрожали, каждый шаг давался с трудом. Она заглянула внутрь.

Там лежала она.

В белом платье — почти свадебном. С венком на голове из алых цветов и ягод. Лицо чужое — она почти не узнавала себя. Спокойное — слишком спокойное. Кожа серая, как старая простыня. Губы синие, веки плотно сомкнуты. Кажется, сейчас откроет глаза — но Елена знала: не откроет.

Она отшатнулась. Ступни скользнули по полу, и она едва не упала.

— Ты... ты Смерть?

— В некотором смысле. — Девушка склонила голову, и свет в её ладони колыхнулся. — Я — Мара. Богиня.

Тишина повисла в избе, густая, как смола.

— Но где я сейчас? — выдохнула Елена.

Мара улыбнулась. В этой улыбке было что-то древнее, усталое.

— Что ты знаешь о древних богах? — спросила она, присаживаясь на край гроба.

Елена молчала.

— А о мирах? Явь, Навь, Правь?

— Ничего, — выдавила она.

Мара улыбнулась. В этой улыбке не было терпения. Было что-то древнее и голодное.

— Ничего, — сказала она. — Это хорошо. Значит, тебе есть чему удивляться.

Она поднесла ладонь с огнем ближе к лицу и продолжила.

— Сейчас ты стоишь на перекрёстке, — сказала она. — Здесь всё сходится. Живые. Тени. Боги. — Она обвела рукой тьму. — Переступишь границу — исчезнешь. Тебя никогда здесь не было.

Мара подняла руку. Огонь в её ладони вспыхнул ярче, и стены избы исчезли. На миг Елена увидела чёрный камень, испещрённый письменами, а в глубине пламени — тени других миров. Они смотрели на неё.

— Ты уже шагнула за грань, — добавила Мара между прочим. — Я вернула тебя. Не благодари. Но за границы, где все сходится, лучше пока тебе не выходить.

Видение исчезло. Елена крутила головой, всматриваясь. Но это уже была просто изба с её гробом в центре.

— Как я умерла? — спросила Елена.

— Ты ушла далеко в лес перед Велесовой ночью, — сказала Мара просто. — Замёрзла. Уснула и не проснулась. Великий праздник, когда все дороги открыты. Ты пошла по одной из них.

— Моя семья...

— Не нашла тебя. — Мара покачала головой. — Искали, но лес не отдал. Зато я нашла. И позвала. Ты проснулась и пришла на мой зов.

Елена хотела спросить ещё. О девочке. О том, что будет дальше. Но Мара заговорила первой:

— Я предлагаю тебе сделку. Хочешь вернуть свою жизнь?

Елена смотрела на гроб, на себя мёртвую, на венок из алых цветов.

— Что я должна буду делать? — спросила она. Голос дрожал, но в нём появилась осторожность.

— Служить мне. Быть моими глазами в мире живых. Год — и я верну тебя. Если не захочешь остаться со мной.

Елена хотела сказать «да». Слова сами рвались с губ. Но что-то держало. Страх. Или голос внутри, который шептал: «Не спеши. Спроси цену».

— А если я откажусь?

Мара перестала улыбаться.

— Тогда останешься здесь. Ненадолго. Месяц, два, если не переступишь границы миров. И... исчезнешь. — Она кивнула на гроб. — А для меня всегда найдутся другие.

Елена сглотнула. Посмотрела на свои руки — бледные, чужие. Потом на Мару.

— Ты сейчас колеблешься, — сказала Мара. — А мне нужен верный помощник. Я дам тебе время подумать. Скоро приду за ответом. А пока тебе стоит вернуться в отель. И молчать о нашем уговоре.

Она шагнула назад, и тьма в избе колыхнулась.

Елена хотела спросить ещё. О девочке. О том, сколько у неё времени. Но Мара уже отвернулась.

— Девочка, — выдохнула Елена. — Та, что в лесу. Я пошла за ней, а потом забыла. Её нашли? Она жива?

Мара обернулась. Посмотрела долго. Пламя в её ладони замерло. Перестало гореть. В избе стало темно — так темно, что Елена не видела своих рук.

— В этих местах, — сказала Мара наконец, и голос её звучал из темноты, отовсюду и ниоткуда, — многое может привидеться.

И расхохоталась.

Смех был громким, раскатистым, он заполнил всю избу, отразился от стен, ударил в уши. Елена зажала уши — но смех был внутри. Он разрывал голову, заставлял зубы стучать, а слёзы — катиться по щекам.

А потом дверь распахнулась, и свет ударил в глаза.

Невидимая сила подтолкнула Елену в спину, и она вылетела наружу, едва удержавшись на ногах.

Это было не то крыльцо, с которого она вошла. Вниз уходила не пара ступенек, а головокругообъемлющая лестница — десятки, сотни деревянных перекладин, уходящих в туман. Изба возвышалась над верхушками деревьев, как на гигантском насесте, и лестница висела над пропастью.

Елена подняла голову и ахнула.

Вокруг, насколько хватало глаз, стояли такие же избы. Сотни. Тысячи. Они громоздились друг на друга, торчали из тумана — все на одной ноге, покосившиеся, старые, с заколоченными окнами. Над ними кружили вороны. Тучи ворон. Они садились на крыши, срывались и снова взлетали, и их крик разрывал тишину. Крик был похож на человеческий. На плач.

«Избушки на курьих ножках, — подумала Елена отстранённо. — Сказки...»

Но это были не сказки. Она чувствовала запах — старым деревом, мхом, смертью. И холод. Такой холод, что кости ныли.

Она сделала шаг. Первая ступенька выдержала. Вторая. Третья. Десять, одиннадцать, двенадцать...

На пятнадцатой нога соскользнула.

Мокрое дерево, старый мох — Елена не успела даже вскрикнуть. Она полетела вниз, ветер засвистел в ушах. Лестница мелькала перед глазами, небо и земля поменялись местами. Она падала, и в голове билось: «Сейчас. Сейчас. Сейчас».

Она зажмурилась изо всех сил, ожидая удара. И в тот миг, когда земля должна была встретить её, она почувствовала — не удар, а холод. Чей-то шёпот прямо в ухо: «Не бойся. Ты уже падаешь всю жизнь».

Елена открыла глаза.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. В ушах ещё стоял собственный крик — и вдруг он смешался с другим звуком. Скрипом тормозов. Настоящих. Здесь и сейчас.

Прямо перед лобовым стеклом, разрезая воздух, пролетел ворон. Огромный, чёрный, он мелькнул тенью и исчез где-то сбоку.

— Твою мать! — заорала Дивия, вдавливая педаль в пол.

Машину закрутило. Шины взвизгнули, запахло горелой резиной. Мир за окном превратился в размытое пятно — лес, небо, дорога, снова лес. А потом громкий хлопок, удар, и всё замерло.

Они остановились в нескольких метрах от кювета.

Дивия несколько секунд сидела неподвижно, вцепившись в руль побелевшими пальцами. Потом резко повернулась к Елене:

— Ты чего орёшь, ненормальная? Совсем с катушек слетела?

Елена не могла ответить. Она всё ещё была там. В избе. В гробу.

Дивия была рядом. Живая. Злая. Настоящая. А девушки на дороге — не было. Только ворон. Только он. Только его крик.

Она смотрела на Дивию и не могла понять, что только что было. Сон? Явь? Изба на курьих ножках, Мара, гроб — всё это уже расплзлось в памяти, как утренний туман. Образы таяли, стоило только сосредоточиться. Но запахи остались. Старое дерево. Мох. Смерть.

«Служить год...»

Она зажмурилась, пытаясь удержать этот голос. Но он уже смешивался с шумом ветра за окном, с вороньим криком.

Может, это был просто кошмар. Самый страшный в её жизни. А может... она не знала. И это «не знала» пугало сильнее всего.

Елена отстегнула ремень. Пальцы не слушались — пришлось дважды нажимать на кнопку. Она вывалилась из машины, едва не упав, и сразу закрутила головой.

Дорога. Пустая.

Она обежала машину, вглядываясь в лес по обочинам. Никого. Ни белой сорочки, ни босых ног, ни смеха. Только ветер, только шум листвы.

— Да что ты там высматриваешь? — рявкнула Дивия, тоже выходя. Она обогнула капот, присела, выругалась. — Шина! Передняя! Всё, приехали. Ни в какой город мы не попали.

Она пнула колесо ногой, и это, кажется, принесло ей облегчение.

Елена смотрела на неё и видела живого человека. Злого, раздражённого, но живого.

— И что теперь? — спросила она. Голос прозвучал тихо, будто издалека.

Дивия выпрямилась, отряхнула руки.

— Попутку будем ловить. Назад пойдём. Не торчать же здесь всю ночь.

Она закрыла машину, сунула ключи в карман и зашагала обратно, даже не оглянувшись.

Елена пошла за ней.

Холод пробирал до костей. Ноябрьский, сырой, липкий. Лес обступал дорогу с двух сторон плотной стеной, и казалось, что они идут по дну бесконечного коридора. Ветер толкал в спину — не сильно, но настойчиво. Подгонял. Торопил.

Дивия шагала быстро, зло, не оборачиваясь. Елена слышала, как она бормочет себе под нос — ругательства, проклятия, жалобы на жизнь.

Что это было?

Елена перебирала в голове каждую секунду того сна. Запах старого дерева и мха. Холод, пробирающий до костей — точно такой же, как сейчас. Крики ворон. И Мара. Её голос. Её глаза. Её условия.

Она помнила гроб. Помнила себя в нём — мёртвую, чужую.

«Я умерла, — подумала она. — Как я могу быть тут? Это всё Мара? Или страшный сон?».

Она провела рукой по лицу. Кожа была холодной. Живой? Мёртвой? Она не знала.

А если сейчас развернуться и побежать? В сторону города. Поймать попутку. Вернуться домой. Обнять маму. И всё будет как раньше.

Ноги на секунду замерли. Она почти остановилась.

Всё будет как раньше. Ложь. Она чувствовала это кожей.

Крик ворона вырвал её из мыслей.

Елена подняла голову. Сумерки уже сгущались, дорога тонула в сером свете. Ворон сидел на корявой ветке старого дерева, прямо у дороги. Чёрный, огромный, он смотрел на неё в упор, склонив голову набок. В его глазах — маленьких, чёрных, как бусинки, — не было ничего живого.

Она остановилась.

Ворон крикнул снова. Громко, резко, требовательно. И в этом крике ей почудились слова — не вслух, а где-то внутри головы, точно их вдавили прямо в сознание:

«Иди. Не смей поворачивать.».

Елена сглотнула. Ворон не улетал. Смотрел.

Медленно, чувствуя его взгляд спиной, она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Прошла мимо дерева.

Ворон проводил её взглядом. Она чувствовала это — он следил, пока она не скрылась за поворотом.

«Они следят за мной», — поняла Елена.

Они прошли ещё минут двадцать. Дивия молчала. Ноги гудели, холод пробрался под куртку.

А потом вдалеке показались фары.

Дивия выскочила на середину дороги и замахала руками. Машина — старый, потрепанный грузовичок — притормозила, заскрипев тормозами.

Из кабины высунулся мужик лет пятидесяти, с седой щетиной.

— Подвезёте до «Перепутья»? — крикнула Дивия.

Мужик посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на Елену.

Секунду. Две. Три.

— Садитесь, — сказал он хрипло наконец.

Елена забралась в кузов. Дивия — рядом. Грузовик тронулся, унося их обратно.

А мужик всё косился то на Дивию, то на Елену в зеркало заднего вида. Будто видел призраков.

«Может, так и есть», — подумала Елена.

ГЛАВА 7

Глеб вернулся в отель только в обед — на ночь он решил остаться в городе. Устал, был разочарован, не хотел ехать в темноте. Он не нашёл старого друга по нужному адресу, хотя в гости за столько лет знакомства приехал в первый раз. Обычно тот навещал его в «Перепутье» раз в год, а то и два.

Последнюю неделю Глеб был на взводе — после разговора с отцом, которого не видел двенадцать лет. Все эти годы, что он прожил в «Перепутье», отец не появлялся. Да и в детстве его почти не было — только редкие, короткие встречи, после которых Глеб оставался с вопросами без ответов. При последней их встрече он забрал Глеба с собой в этот отель и сообщил, что это наследство, которое тот просто обязан принять. В этом месте он будет жить, следить за порядком, управлять отелем — и тогда отец откроет ему дар. Подростком для Глеба это звучало заманчиво. Но за эти годы «Перепутье» стало его клеткой.

И тут старик появился снова. С очередными условиями.

Отец не изменился. Совсем. Та же седая борода до пояса, те же глубокие морщины, та же холщовая рубаша. Только глаза... Глеб не помнил в них доброты. Раньше они были пустыми, как у старого бога, который давно перестал смотреть на людей. Теперь смотрели почти тепло.

Старик просто вошёл в кабинет и сел напротив. Глеб замер от неожиданности.

— Ты... как ты здесь?

— Я всегда рядом, — старик улыбнулся. — Просто ты не видел. Ты никогда не смотрел в нужную сторону.

Глеб молчал. Улыбка сошла с лица старика.

— Ты вырос и возмужал, — отец заговорил первым. — Я думал, это место принесёт тебе умиротворение и понимание нашего мира. Но вижу — оно стало тяготить тебя. — Он помолчал. — Я хочу освободить тебя. Но не так просто, как кажется. Есть условия.

— Ты меня уже ничем не удивишь, старик. Говори.

— Первое: ты должен отдать все долги за двенадцать лет и собрать все дары этого места.

«Это несложно», — подумал Глеб. Долгов у него нет, даров всего несколько. Но в груди уже шевельнулось холодное предчувствие: ничего в этом месте не бывает просто так.

— Второе: найти себе замену. Тогда через год ты будешь свободен.

Отец замолчал. Посмотрел на Глеба долгим, тяжёлым взглядом — в котором Глеб впервые увидел не холодное безразличие, а что-то похожее на родительскую тревогу.

— И должен тебя предупредить, — голос старика стал тише.

— Отель не отпустит меня просто так, — сказал Глеб. Это был не вопрос. Утверждение.

Отец помолчал, глядя куда-то сквозь Глеба, сквозь стену, сквозь время.

— «Перепутье» — не просто здание. Оно стоит там, где сходится перекрёсток миров. И в дни, когда границы истончаются, это место просыпается.

Он снова замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то — может, тревога, может, предостережение.

— «Перепутье» чувствует, что ты хочешь его оставить. Оно будет испытывать тебя. Оно уже начало. Колесо года не остановишь, сын. Оно будет вращаться, и каждый поворот будет отзываться в «Перепутье». Ты должен быть осторожен. Каждый праздник — напоминание о древних богах, о которых люди забыли, но они не исчезли. О связи миров, которая в эти дни становится осязаемой. «Перепутье» — это не твоя тюрьма. Это твоя ответственность.

— Я понял, — глухо сказал Глеб.

— Поймёшь, когда столкнёшься, — старик усмехнулся. — Я предупредил. Остальное узнаешь сам.

Он поднялся, разгладил холщовую рубаху. На миг Глебу показалось, что отец хочет сказать что-то ещё. Но старик лишь кивнул:

— Через год, сын. Если справишься.

И вышел.

Теперь, сидя в машине перед отелем, Глеб вспоминал этот разговор. И то, что в городе он так и не нашёл человека с его даром. План был чётким, но с самого старта всё пошло не так.

Он вышел из машины и вошёл в отель. Колокольчик звякнул. За стойкой стояла Маришка, а в кресле расслабленно расположился Зар. Они о чём-то мило болтали, но, увидев Глеба, резко замолчали. Маришка улыбнулась, радуясь его возвращению:

— Добрый день!

Зар напротив окаменел.

— Привет. — Голос холодный, безразличный. — Ну что, решил все свои дела?

Вопрос и собственный провал сделали Глеба ещё мрачнее.

— Привет. Нет, не все.

Зар быстро поднялся и вышел, через плечо бросив на Глеба долгий взгляд.

— Что-то случилось? — спросил Глеб у Маришки.

Он подошёл к стойке, заметил букет из осенних листьев — кленовых, жёлто-красных, ещё не успевших засохнуть. «Хоть у кого-то здесь есть надежда», — подумал он с грустной улыбкой.

Маришка проследила за его взглядом и зашебетала:

— Да ничего особенного. Была одна потеряшка, переночевала в отеле. Дивия утром повезла её к участковому и заодно по Арысиному списку. Поэтому Зар составил мне компанию — она у него машину забрала. Все как обычно.

— А что за девушка? — спросил Глеб. — Откуда?

— Городская, — Маришка пожала плечами. — Заблудилась в лесу. Переночевала. Сказала, что уснула на пне и очнулась уже у нас.

Глеб нахмурился. Уснула на пне. Первое ноября.

— И ничего странного? — спросил он осторожно.

Маришка замаялась. Улыбка сползла с её лица.

— Ну... она была какая-то... трохи неживая, что ли. Но я подумала, может, просто замёрзла.

Глеб кивнул. Он уже знал. Неживая.

— Я буду у себя, — сказал он. — Как Дивия вернётся, пусть зайдёт.

Глеб развернулся и ушёл.

Его кабинет находился справа от стойки, там же были спальня и гостиная — всё это крыло принадлежало только ему. Небольшой коридор, налево и направо двери, освещённые единственным тусклым светильником. Здесь всегда стоял полумрак и пахло старыми бумагами и пылью — солнечный свет сюда не проникал. Дверь кабинета — в самом конце, по центру.

Глеб вошёл, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Тишина. Только часы в холле тикали сквозь стены.

Перед глазами встали пятеро. Те, кто ушёл из отеля с дарами. Каждый дар — вторая жизнь. Жизнь, которую они уже потеряли в здешних болотах. Двенадцать лет. Пять человек. Пять раз он протягивал руку и говорил: «Живи».

И они жили. А теперь он должен прийти к ним и сказать: «Я забираю это обратно». Забрать — значит отнять ту самую жизнь, которую он когда-то подарил.

Вчера он отправился к давнему другу — не только за советом, но и за одним из даров «Перепутья». Тот уже был немощным стариком, и Глебу казалось, что ему будет проще всего объяснить свой приход. «Перепутье» и так подарило старику десять лет жизни, которые отнял

лес. При последней их встрече друг сказал, что уже готов её встретить. Но по адресу, который он сам назвал, его не оказалось.

Глеб прошёл к креслу и тяжело опустился в него. Взгляд упал на сейф, где лежал заветный мешочек.

Правило было простым: когда «Перепутье» давало второй шанс, человек вытаскивал из мешочка одну вещь. Какую — Глеб никогда не знал. И сколько лет подарено — тоже. Он мог только чувствовать дар, когда тот был рядом — как тепло или холод, который нельзя спутать ни с чем. А после смерти человека этот дар должен был вернуться обратно.

Он сидел в тишине, глядя на сейф, и слушал, как где-то в холле тикают часы. «Перепутье», будет его испытывать. Его и всех, кто рядом.

ГЛАВА 8

Дивия вернулась в отель злая и измождённая. Маришке она оставила Елену и новость о машине Зара — пусть та сама разбирается. А на просьбу зайти к Глебу только отмахнулась: поздно, ей нужно привести себя в порядок перед ночной сменой.

Отель она считала своим домом, хоть и жила здесь всего пару лет. Дивия пришла сюда в минуты отчаяния и осталась — жить, помогать, работать. Когда у неё не осталось никого, она нашла это место, даже не помня как. Оно само призвало её, притянуло — как иглу к магниту, как сон к тому, кто слишком долго не спал.

Её бабка была ведьмой. И очень хорошей — так говорили в семье и все соседи. Дивия помнила это не рассказами — кожей, костями, тем холодком, который пробегал по спине каждый раз, когда бабка смотрела на неё своими синими глазами.

«Ты так похожа на меня».

Тогда, в детстве, эти слова казались подарком. Теперь звучали приговором — и она всё ещё не знала, к чему именно её приговорили.

Бабкин дом стоял на отшибе, на краю хутора — небольшой, бревенчатый, с резными наличниками, которые бабка каждую весну красила в синий. Дивия помнила запах краски, смешанный с запахом болотной травы, и как бабка, стоя на шаткой лестнице, напевала что-то тягучее, неразборчивое. Слова были чужие — не по-русски, не по-деревенски. Язык, которого Дивия больше никогда не слышала.

Внутри всегда было тепло — печь топилась круглый год, даже летом. Пахло не дымом — дымом пахло снаружи, от соседских изб. Здесь пахло травами. Мятой, зверобоем, чабрецом — эти Дивия знала. И ещё чем-то горьким, терпким, от чего першило в горле и кружилась голова. Бабка говорила — полынь. Но Дивия чувствовала: там было что-то ещё. Что-то, что пахло не травами, а временем — старым, плотным, почти осязаемым. Что-то, чему бабка не давала названия.

Посреди горницы стоял длинный деревянный стол, тёмный от времени, с вырезанными по краям знаками — круги, кресты, завитушки, похожие на змей. Дивия не знала тогда, что это за символы, но чувствовала: они не просто узор. Они хранили что-то.

Дивия в детстве любила водить пальцем по этим узорам, чувствуя тепло дерева. Бабка не запрещала. Только смотрела — и улыбалась.

За этим столом рассаживались люди. Они приходили часто — заплаканные, больные, запуганные. Садились на лавки вдоль стен и молча ждали. Иногда подолгу — бабка не терпела суеты. Она могла заниматься своими делами, перебирать травы, помещивать что-то в чугунке, поглядывая на гостей искоса. А они сидели и не смели пикнуть.

Дивия запомнила одну женщину — молодую, красивую, но с лицом покойницы. Женщина сидела, сцепив руки на коленях, и смотрела в пол. Бабка подошла к ней не сразу — через час. Положила руку на голову, и женщина вдруг разрыдалась — громко, навзрыд, как ребёнок. Дивия запомнила этот звук надолго — он был похож на вой, который выпускают наружу, когда уже нечего терять. А бабка гладила её по волосам и шептала что-то — то самое, тягучее, на том языке, которого Дивия не понимала.

Потом женщина ушла. Дивия так и не узнала, что с ней было.

Самым главным в доме была полка в углу. Не просто полка — святилище. Дивия запомнила её до мелочей: толстые свечи из тёмного воска по краям, пучки засушенных трав, свисающие так, что они почти касались голов, когда бабка стояла рядом. Пузырьки — целый ряд, от маленьких, с напёрсток, до больших, с ладонь. В них были масла, настои, что-то густое, тёмное, иногда с осадком на дне.

А в центре, под белым льняным платком, лежала книга.

Дивия видела её только мельком, когда бабка забывала прикрыть. Кожаный переплёт, потемневший до черноты, с тиснением, которое стёрлось за годы. Края страниц обгорели, будто книгу пытались сжечь, но не смогли. И запах — не бумагой, не кожей. Паленым? Старой кровью? Или тем, что бывает, когда горит не дерево, а что-то другое — что не должно гореть, но всё равно тлеет? Дивия не знала. Но этот запах она помнила до сих пор.

Бабка никогда не брала книгу при людях. Сначала зажигала свечи — все до единой, даже те, что стояли в дальних углах. Потом шептала — долго, неразборчиво, пока воздух в комнате не начинал дрожать. Потом раскуривала траву в глиняной плошке — дым шёл густой, сизый, щипал глаза. И только тогда, когда дым заполнял всю горницу, бабка осторожно, двумя руками, снимала платок, разворачивала его на столе — на том самом столе с вырезанными знаками — и открывала книгу. Медленно. Каждое движение могло что-то нарушить.

Дивия подглядывала всегда. Из-за ситцевой занавески, отделявшей горницу от её крошечной комнатки. Она прижималась лицом к щели и не могла оторваться — будто что-то тянуло её смотреть, даже когда было страшно. Бабка знала — косилась иногда в её сторону, но не прогоняла. Только если гости замечали шмыгающую тень, тогда махала рукой: «Иди, погуляй пока». И Дивия уходила — послушно, но обиженно. А потом возвращалась и смотрела снова.

Дивии тогда было пять. Потом шесть. Бабка учила её травам: показывала, как сушить, смешивать, заваривать. Объясняла, как слушать ветер, смотреть на луну, чувствовать, где в лесу можно собирать грибы, а куда лучше не соваться. Но книгу не показывала никогда.

— Рано тебе ещё, — говорила она. — Придёт время — сама возьмёшь.

Время не пришло.

В семь лет бабки не стало.

Дивия помнила тот день — серый, холодный, с морозящим дождём. Бабка лежала на кровати, бледная, маленькая, будто усохшая за одну ночь. Родители суеились вокруг, говорили шёпотом, косились на Дивию. А Дивия стояла в углу и смотрела. Ей не было страшно. Только пусто. И эта пустота осталась с ней — она чувствовала её даже сейчас, спустя столько лет.

Она подошла к бабке, когда та открыла глаза в последний раз. Синие глаза — такие синие, что казалось, в них отражается небо, хотя за окном были тучи. Бабка посмотрела на неё и улыбнулась. Чуть-чуть, одними уголками губ.

«Ты так похожа на меня», — прошептала она.

И закрыла глаза.

Дом заколотили на следующий же день. Родители и слышать не хотели о том, чтобы зайти туда. «Бабкины глупости», — говорили они. «Колдовство, бесовщина». Доски прибили крест-накрест к дверям и окнам, а ключ — огромный, ржавый — выбросили в болото. Дивия стояла и смотрела, как ключ летит по дуге и исчезает в тёмной воде. Ей хотелось закричать, броситься следом. Но она стояла молча. Смотрела, как круги на чёрной воде расходятся и затихают. Ключа никогда и не было.

Всё, что было внутри — книга, пузырьки, алтарь, травы — так и осталось под досками. Гнить. Исчезать. Ждать, когда придёт та, кто сможет открыть.

Но ключ утонул в болоте.

Дивия выросла. Пыталась забыть — и не могла. Бабка приходила к ней во снах — сидела на краю кровати, гладила по голове, напевала те самые тягучие песни. Дивия просыпалась в слезах и долго смотрела в потолок, пытаясь понять — явь это была или сон.

Родители умерли, когда ей было шестнадцать. Обычная история для этих мест — машина на скользкой дороге, дерево, скорая, морг. Дивия осталась одна. Совсем одна.

Она бродила по городу, ночевала где придётся, пыталась работать. Но везде чувствовала себя чужой. Она пыталась заполнить пустоту — учёба, спорт, парни. Но ничего не помогало.

Тогда она начала бегать. И чем больше пыталась занять себя, тем быстрее и дольше бежала. Пока однажды не поняла: ноги сами несут её прочь от людей, в лес, к бабкиному дому.

Дом стоял на месте — всё такой же, заколоченный, с провалившейся крышей, заросший бурьяном по окна. Дивия стояла перед ним и чувствовала, как внутри поднимается что-то — тяжёлое, горячее, почти живое. Она рванула доски, обдирая руки в кровь, влезла внутрь...

Ни стола, ни полки, ни пузырьков. Только гниль, мусор и запах сырости. Книги не было. Дивия обшарила каждый угол, заглянула под каждую доску — но книга исчезла, будто её никогда и не существовало. Кто-то побывал здесь до неё — то ли мародёры, то ли просто время.

Дивия не знала, сгорела ли она, украли ли её или бабка забрала с собой. Иногда ей казалось, что книга просто исчезла. Растворилась. Ушла в тот мир, откуда пришла.

С тех пор прошло несколько лет. Дивия нашла «Перепутье» случайно — или не случайно. Заблудилась в лесу, выбилась из сил, села на пенёк и решила, что всё, конец. А когда подняла голову — перед ней стоял отель. Огромный, старый, с горящими окнами. Он ждал её.

Она вошла. Глеб стоял за стойкой и смотрел на неё. Знал, что она придёт. Не удивился, не спросил, кто она и откуда. Просто кивнул и сказал:

— Комната на втором этаже, последняя справа. Завтра поговорим.

Дивия осталась. И за три года так и не смогла понять — сбежала она от прошлого или, наоборот, прибежала прямо к нему.

Она думала, «Перепутье» призвало её, чтобы она наконец-то заполнила пустоту, была кому-то нужна. Чтобы сила, которая дремала в ней с детства, проснулась. Надеясь почувствовать, она часами бродила по лесу, прислушивалась к ветру, вглядывалась в тени. Ждала знака.

Но всё было бессмысленно. Она не чувствовала ничего. Совсем. Ни силы, ни магии, ни связи с тем миром, который знала бабка. Пустота. Тишина. Только память — и та тускнела с каждым годом.

Это одновременно и радовало, и расстраивало. Радовало — потому что она боялась себя такой, какой была бабка. Боялась той тяжёлой, тёмной силы, которая жила в бабкиных глазах. Расстраивало — потому что без этой силы она была никем. Просто девушка, которая работает в отеле посреди леса, прячется от мира и не знает, зачем живёт.

С этими мыслями она погрузилась в горячую воду. Тело расслабилось, мысли поплыли...

И вдруг её толкнуло. Словно кто-то схватил за грудь и выдернул из тела.

Она стояла посреди леса. Нет — парила. Сквозь неё, не замечая, проходили деревья, кусты, холодный воздух. А впереди, на поляне, сидела на корточках девочка. Лет десяти, в белом платьице, босая. Девочка водила пальцем по земле, чертила круги, и губы её шевелились — быстрая, неразборчивая молитва. Нет, песни.

«Ты кто?» — хотела спросить Дивия, но голоса не было.

Девочка подняла голову. Посмотрела прямо сквозь Дивию — и улыбнулась. Глаза у девочки были голубые, как у бабки. Такими же синими, какими они становились, когда бабка смотрела сквозь людей, а не на них.

— Готовься, — сказала девочка, и голос её звучал не по-детски — ровно, без интонаций. — Он и тебя будет испытывать.

И указала на видневшийся через лес отель.

Дивия рванулась вперёд, чтобы схватить её, но руки прошли сквозь воздух. Девочка растаяла, как дым. А лес вокруг начал плавиться, стекать чёрными каплями...

Дивия распахнула глаза. Вода в ванне была ледяной. Она не помнила, когда успела остыть — может, минуту назад, а может, час. Тело била мелкая дрожь, но не от холода. От того, что она только что видела.

Она вылезла из ванны, наскоро вытерлась, надела форму — пальцы дрожали, пуговицы пришлось застёгивать дважды. Вышла из комнаты, прошла в холл, села за стойку. Чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать.

Но чувствовала. Всю ночь. И ждала — сама не зная чего.

ГЛАВА 9

Елена проснулась от тишины.

Она лежала в темноте, прислушиваясь. Ни скрипа половиц, ни шороха за стеной, ни привычного гула ветра. Только тишина. Такая плотная, что закладывало уши.

Она села на кровати. В комнате было душно, жарко. Сна не было ни в одном глазу.

Елена накинула халат и вышла в коридор.

Там горели только две свечи — одна в начале, другая в конце. Их пламя не шевелилось, хотя откуда-то тянуло сквозняком. Тени от свечей лежали странно — длинные, неестественно вытянутые.

Она сделала несколько шагов. Половицы не скрипели — они молчали.

И вдруг — шаги.

Где-то в конце коридора, там, где горела вторая свеча. Мягкие, размеренные. Елена замерла, вглядываясь в полумрак.

— Кто здесь? — прошептала она.

Тишина. Шаги стихли.

Она ждала. Минуту. Другую. Никого.

Елена уже хотела вернуться в комнату, когда краем глаза заметила движение. Тень на стене. Она двигалась — медленно, плавно, как кто-то невидимый водил рукой по стене. Не её тень — чужая.

Елена резко повернулась. Тень замерла.

Она перевела взгляд на другую стену. Там тени тоже шевелились. Исчезали, когда она смотрела прямо, и снова начинали свой танец, стоило ей отвернуться.

Елена развернулась и быстро пошла обратно. Шаги гулко отдавались в пустом коридоре, но ей казалось — за спиной кто-то идёт. Тот же ритм, тот же шаг.

Она обернулась.

Никого. Только свечи, только тени, только пустота.

Елена вошла в комнату и заперла дверь. Легла, накрылась одеялом и долго смотрела в потолок, прислушиваясь.

Шаги не повторились. Но ощущение, что за ней наблюдают, не проходило. Она лежала, не шевелясь, и ей казалось — кто-то дышит за стеной.

А внизу, за стойкой, Дивия подняла голову, услышав шаги наверху. Она слышала: Елена не спит. И это пугало её больше, чем видение.

Дивия сидела за стойкой, уставившись в одну точку. Глаза покраснели, под ними залегли тени — она не сомкнула глаз до самого утра. Каждый шорох, каждый скрип половиц заставлял вздрагивать. Скоро рассвет.

«Готовься, он и тебя будет испытывать», — голос девочки засел в голове, как заноза.

Шаги. Дивия вскинула голову из-за стойки.

Глеб шёл медленно, со своего крыла. Вид у него был не лучше — осунувшийся, серый, будто тоже не спал. Он подошёл к стойке, мельком глянул на Дивию и нахмурился.

— Ты чего такая? Случилось что?

Дивия мотнула головой. Потом остановилась. Кивнула.

— Наверное. Я не знаю.

Глеб ждал.

Дивия заговорила — сбивчиво, торопливо, будто боялась, что если остановится, то не решится продолжить. Про Елену. Про аварию. Про ванну. Про видение.

— Я думала, это сон, видение, — закончила она почти шёпотом.

Глеб слушал молча. Лицо его становилось всё жёстче. Когда Дивия замолчала, он отвёл взгляд в сторону — туда, где начинался коридор второго этажа.

— Ты видела Елену? Утром? — спросил он тихо.

— Она ещё не спускалась.

Глеб кивнул. Он ожидал этого.

— Кофе есть?

Дивия опешила от такой смены темы, но кивнула. Глеб прошёл в столовую, жестом позвал её за собой. Она пошла, чувствуя, как внутри всё сжимается.

В столовой было пусто. Глеб сел за тот же столик у окна, где вчера завтракала Елена. Дивия принесла две кружки, села напротив.

Глеб долго молчал, грея ладони о керамику. Потом поднял глаза.

— То, что ты видела... это не сон. Предупреждение.

Дивия замерла.

— Это из-за Елены? Кто она? — выдохнула она.

Глеб помолчал. Поставил кружку.

— Не совсем. Но и она тут не по случайности.

Его взгляд ушёл в окно, на перекрёсток, и дальше — туда, где начинался лес.

— Ты слышала когда-нибудь слово «заложный покойник»?

Дивия покачала головой. Внутри похолодело.

— Это те, кто умер не своей смертью. Утонул, замёрз, заблудился...

— Как Елена?

— Как Елена. Их не отпевают, не хоронят как положено. Они не уходят. Остаются здесь.

Он говорил ровно, без эмоций. Но Дивия видела: пальцы, сжимающие кружку, побелели.

— Навсегда?

— Навсегда. Но иногда... — Глеб запнулся. — Иногда они возвращаются. Сами не зная, что мертвы.

Тишина повисла в столовой, тяжёлая, как намокшее одеяло.

— Она... — голос Дивии сорвался, и по спине пробежал холод. — Елена? Она не знает?

— Не знает. — Глеб покачал головой. — Они никогда не знают. Помнят, что заблудились, что искали выход. А потом — отель, ты, Маришка. Для неё это спасение. Она правда верит, что выжила.

Дивия вспомнила вчерашний разговор. Как Елена рассказывала про девочку, про снег, про то, как уснула на пне и проснулась. Как голос у неё срывался: «Я забыла про неё».

— Девочка, — выдохнула Дивия. — Та, что в лесу... она сказала, что девочка заблудилась. И она вместе с ней. А потом она забыла. Это связано с тем, что она мертва?

Глеб помолчал.

— В этих лесах многое может заманить. Особенно в ночь, когда границы между мирами истончаются. А Велесова ночь — одна из таких. Елене просто привиделась девочка.

— Почему ты мне раньше не сказал? — спросила она тихо. — Про таких, как она? Про то, что они приходят?

Глеб усмехнулся — горько, без веселья.

— А ты бы поверила? Ты три года здесь живёшь, и за это время таких гостей у нас не было. Ты пытаешься почувствовать свою силу. Думаешь, я не знаю? Думаешь, не видел, как ты бродишь по лесу, как слушаешь, как ждёшь? — Он покачал головой. — Я ждал, пока ты сама начнёшь видеть. Пока твой дар проснётся.

— И что? Проснулся? — в голосе Дивии звенела обида.

— Тебе было видение. — Глеб посмотрел ей прямо в глаза. — Возможно, скоро проснётся. А может, только на видениях и остановится.

Дивия хотела ответить, но в горле застрял ком. Она просто сидела и смотрела на Глеба, чувствуя, как мир вокруг становится зыбким, ненадёжным.

— Что теперь будет? — спросила она наконец. — С Еленой?

Глеб откинулся на спинку стула. Взгляд его ушёл куда-то в окно, где за стеклом серел пустой ноябрьский лес.

— Теперь она должна уйти по-настоящему.

Он помолчал. Перевёл взгляд на Дивию — и в этом взгляде было что-то, от чего у неё похолодело.

— Но для начала мне нужно поговорить с ней.

Глеб направился к выходу, но у двери остановился.

— Дивия.

— Что?

— Ты боишься?

Она подумала о Елене, которая спит наверху и не знает, что мертва.

— Боюсь, — сказала она честно.

Глеб кивнул.

— Правильно. Бойся. Но работай. Она твой гость. Пока.

Он вышел.

Дивия осталась одна в пустой столовой. Кружка в руках остыла. За окном ветер гнул верхушки деревьев.

Где-то наверху скрипнула половица. «Проснулась», — подумала Дивия. И впервые за три года по-настоящему захотела сбежать из «Переputьe».

Глеб остался один в кабинете. Свеча на столе догорала, тени плясали на стенах. Он смотрел на них, но не видел. Мысли были далеко — двенадцать лет назад, в тот день, когда всё изменилось.

Он видел отца всего несколько раз в детстве. Странного человека, который появлялся из ниоткуда, проводил с ним день или два, а потом исчезал. Глеб долго не знал, кто он такой — пока не узнал правду. Мать не объясняла. Только просила никому не рассказывать.

— Он не такой, как мы, — говорила она. — Он приходит, когда может.

Глеб не понимал тогда. Злился, обижался, ждал. А потом перестал ждать.

Когда ему исполнилось девятнадцать, он уже забыл отца. Бросил институт, не знал, чего хочет от жизни. Мать жила в городе, но они почти не виделись — она боялась, что отец снова появится и заберёт сына.

В тот вечер он сидел на кухне, пил дешёвое пиво и смотрел в одну точку, когда почувствовал, что в комнате кто-то есть.

Он обернулся.

В дверях стоял мужчина. Высокий, седой, в простой холщовой рубаше, подпоясанной верёвкой. От него пахло лесом — не городским парком, а настоящим, дремучим, где не ступала нога человека.

Глеб узнал его. Не сразу — прошло много лет. Но узнал.

— Здравствуй, сын, — сказал Велес.

— Ты... — голос Глеба сел. — Ты пришёл.

— Я всегда приходил, когда мог. — Велес улыбнулся. — Но теперь время пришло. Ты должен знать правду.

Глеб не знал, почему пошёл за ним. Может, потому что в квартире больше нечем было дышать. Может, потому что хотел наконец понять. А может, потому что чувствовал — если не пойдёт сейчас, то никогда не узнает.

Они ехали несколько часов. Сначала на поезде, потом на попутках, потом шли пешком. Глеб не спрашивал, куда. Просто шёл. Тогда он боялся отца.

Лес вокруг сгущался, становился темнее. Воздух пах сыростью и чем-то древним, забытым. Глеб чувствовал, как что-то меняется внутри — будто сама земля под ногами дышала иначе.

А потом они вышли на поляну.

Перед ним стоял отель. Огромный, старый, с витражными окнами и резными дверями. Он не выглядел заброшенным — он жил. Из окон лился тёплый свет, и Глеб слышал, как внутри тикают часы.

— Это Перепутье, — сказал Велес. — Место, где сходятся миры. Явь, Навь, Правь. Здесь можно встретить кого угодно — от простого путника до самого бога. Твоя мать когда-то жила здесь. Пока не решила, что для тебя будет лучше уехать.

— Она знала? — Глеб не понял. — Она знала, что ты... что это...

— Она знала всё. — Велес помолчал. — Но чем старше ты становился, тем сильнее чувствовалась моя природа. Я не мог оставаться рядом. Иначе мир богов настиг бы тебя раньше времени.

— А теперь?

— А теперь оно настигло. — Велес посмотрел на отель. — Это место требует хозяина. Кто-то должен следить за порядком, защищать границы, помогать тем, кто заблудился между мирами. Теперь это твоя ноша.

Глеб хотел сказать, что не хочет. Что он ничего не понимает. Он просто парень из города. Слова застряли в горле.

Потому что, глядя на отель, он чувствовал две вещи сразу.

Гордость. Таковую, что грудь разрывалась.

И ужас. Такой, что подкашивались колени.

Он был нужен этому месту. И это место теперь было нужно ему.

Глеб моргнул, возвращаясь в реальность. Свеча догорела, в кабинете стало темно. Только луна светила в окно.

И вдруг он почувствовал тепло. Оно разливалось откуда-то изнутри — от воспоминаний, от этих странных, почти забытых картинок из детства. Глеб не заметил, когда в кабинете перестало быть холодно. Воздух стал мягче, тише, будто сам отель откликнулся на его мысли.

Он усмехнулся.

— Спасибо, — сказал он в пустоту.

Никто не ответил. Но тепло осталось.

Он посмотрел на свои руки. Руки человека, который двенадцать лет назад был просто потерянным парнем.

— Я справлюсь, — прошептал он в темноту. — Я всегда справлялся.

И в ответ — тишина. Но тепло, разлившееся по комнате, стало чуть гуще, будто отель выдохнул.

ГЛАВА 10

Когда Елена открыла глаза, за окном уже серело. Ночь наконец отпустила отель, но ощущение, что за ней наблюдают, не прошло.

Она долго смотрела в потолок, пытаясь отделить сон от яви — провела рукой по лицу, пошевелила пальцами, будто проверяла, слушается ли тело. Изба на курьих ножках? Гроб? Богиня по имени Мара? Всё это было слишком реальным — запах старого дерева, холод камня под босыми ногами. Но чем дольше она лежала, тем сильнее образы тускнели, превращаясь в нечто зыбкое, ненадёжное. Сон. Должен быть сном.

«Ты будешь жить в этом мире целый год. Служить мне. А через год я верну тебя».

Она села на кровати, сжала виски ладонями.

— Это был сон, — прошептала она вслух. — Просто сон.

Это был сон. Должен быть сном. Потому что если это не сон — тогда всё, что она помнит, правда. А правда — страшнее любого сна.

Тишина. Она ждала — вдруг голос повторится? Но в голове было пусто. Только страх, только холод, который она не могла объяснить.

Она перевела взгляд на тумбочку. Там лежали часы. Она положила их рядом перед сном, чтобы слышать тиканье. Оно успокаивало, напоминало о доме.

Елена протянула руку, взяла часы. Тяжёлые, механические, с потемневшим от времени латунным корпусом. Стекло чуть поцарапано, но циферблат чистый. Секундная стрелка двигалась рывками. Она перевернула часы. На задней крышке — гравировка: «Храни время, оно хранит тебя». Дедушкины слова.

Елена надела часы на запястье. Металл был холодным, но сквозь холод пробивалось тепло — словно часы узнавали её. Тиканье стало ровнее, спокойнее, будто они тоже выдохнули.

Она надела майку, штаны и кроссовки, встала и подошла к окну.

Лес стоял серый и мокрый, низкие тучи ползли над верхушками.

Она посмотрела на часы. Стрелки показывали половину девятого.

«Пора, — подумала она. — Нужно спуститься».

В холле пахло кофе, старым деревом и ещё чем-то — едва уловимым, сладковатым. Ладаном, которым кадили много лет назад. Запах витал в воздухе.

Большие напольные часы тикали медленно, важно. Елена остановилась рядом, вглядываясь в резные фигуры на корпусе. Олени, птицы, люди в старинных одеждах. Она готова была поклясться: когда она отвернулась, один из оленей повернул голову и посмотрел ей вслед. Она резко обернулась — всё было на месте. Но тени лежали иначе, чем секунду назад.

— Зачарованные, — раздался голос сбоку.

Елена вздрогнула и обернулась.

Мужчина стоял у стойки ресепшена, облокотившись на неё локтем. Высокий, выше её почти на голову. Короткие тёмные волосы, правильные черты лица — красивое лицо, будто сошедшее с портрета. Ему можно было дать лет тридцать. Но глаза... глаза были старые. Усталые, с тяжёлым прищуром. Эти глаза не совпадали с лицом.

— Что простите? — переспросила Елена.

— Часы. — Он кивнул на механизм. — Они зачарованные. Или проклятые — это как посмотреть. Меняются каждую ночь. Никогда не знаешь, кого увидишь утром.

— Вы Глеб? — спросила Елена.

— Да. Владелец этого отеля. А ты Елена. — Он отлепился от стойки. — Зайди ко мне в кабинет. Нужно поговорить.

Это не было приглашением. Это был приказ. Глеб развернулся и направился в своё крыло. Елена пошла за ним.

Кабинет оказался небольшим, но плотно заставленным. Тяжёлый стол, кожаное кресло, стеллажи с папками и книгами. Единственное окно выходило в сторону леса — света почти не давало, поэтому горела настольная лампа. В углу стоял старый сейф.

Глеб сел в кресло, жестом указал ей на стул напротив. Сам подался вперёд, сцепив пальцы на столе.

— Рассказывай, — сказал он. — Как ты попала в лес.

Елена сглотнула.

— Я была у родственников. Праздник. Вышла на крыльцо, там девочка... позвала посмотреть шалаш. Я пошла. А потом потеряла её. Искала, темнело, уснула на пне. Проснулась — вышла к отелю.

Глеб слушал, не перебивая.

— А дальше? — спросил он. — Что было после того, как ты уснула?

— Ничего, — сказала Елена. — Проснулась — и пошла.

Глеб смотрел на неё долго. Потом откинулся на спинку кресла.

— Ты врёшь, — сказал он спокойно. — Но я не буду давить. Ты сама расскажешь, когда придёт время.

Елена молчала.

— Ты уснула в лесу, Елена. — Глеб подался вперёд, и его глаза — темные, тяжёлые — впились в неё. — И не проснулась.

Пауза. Тишина.

— Ты мертва.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Елена молчала, чувствуя, как холод поднимается откуда-то изнутри.

Елена смотрела на него. Внутри всё оборвалось.

— Этого не может быть, — выдохнула она. — Я чувствую. Дышу. Я живу.

— Ты чувствуешь то, что помнишь, — сказал Глеб. — Это пройдёт. Чем дольше ты здесь, тем меньше будешь чувствовать. А потом перестанешь совсем.

Елена смотрела на свои руки. Внутри всё оборвалось. Глеб знает. Он всё знает.

— Я не понимаю, — выдавила Елена, поднимая глаза. Голос дрогнул — она не играла, ей действительно стало страшно. — Вы хотите сказать, что я...

— Да — умерла.

Он встал, подошёл к окну, повернулся спиной. Елена смотрела на его широкие плечи и лихорадочно соображала.

— Елена, ты не можешь оставаться среди живых. — Он повернулся и его слова звучали как приговор. — Я должен тебя отвести на границу мира мёртвых. Это будет твой конец. Семья тебя оплачет и будет горевать. Но ты не можешь жить мертвой среди живых. Это неправильно.

Мара сказала: «Ты будешь жить в этом мире целый год. Служить мне». Голос её звучал в голове — тихий, журчащий, почти ласковый. Год. Но если Глеб отправит её туда, в мир мертвых, у нее не будет шанса на жизнь. Она должна остаться. Любой ценой.

— Я могу остаться здесь? Это же не просто отель? — Спросила Елена.

Взгляд Глеба был тяжёлым, испытующим.

— Тут?

Елена кивнула, сцепив руки под столом.

— Маришка говорила, вам нужны администраторы... Я буду работать. Только не отправляйте меня туда. Дайте мне хотя бы год.

— Заложные покойники не могут вечно ходить среди живых. Ты будешь тянуть силы из людей, сама того не желая. Рядом с тобой они начнут болеть, чахнуть.

— Вы сказали, что я буду вредить людям. А если я никуда не хожу? Если я просто живу здесь, в отеле?

Глеб замер.

— Ты хочешь остаться?

— Да. Я не буду вредить людям. Буду слушаться. Только не отправляйте меня туда. Дайте мне хотя бы год.

Глеб молчал долго. Ему было жалко ее, но дарами он раскидываться не мог больше.

«Может, это и есть одна из проверок «Переputьe», - думал он. — Что будет, если я оставляю ее тут на год? Как быстро она будет меняться?»

Он смотрел на неё — и вдруг перевёл взгляд на сейф в углу. Елена проследила за его взглядом, но ничего не поняла.

— Я не прошу вас спасать меня, — сказала она тихо. — Я прошу время. Чтобы понять, кто я теперь. Чтобы попробовать жить — даже такой жизнью.

Она сама не знала, откуда взялись эти слова. Но они были правдой.

Глеб провёл рукой по лицу — устало, тяжело. Потом снова посмотрел на неё. В глазах мелькнуло что-то — сожаление? Или предчувствие?

Он смотрел на неё — бледную, растерянную, с этой дурацкой надеждой в глазах. Он видел таких. Пятерых. Каждому протягивал руку, каждому говорил: «Живи». И каждый вытаскивал свой дар.

А сейчас — не мог.

Не потому, что не хотел. Потому что не имел права. Отец забрал это право вместе с обещанием свободы. Каждый дар теперь — долг, который нужно вернуть. Ещё одна жизнь, за которую он будет в ответе. Ещё одна смерть на его руках.

Но и выгнать её не мог. Не в Навь. Не насовсем. Может, следующий хозяин отеля окажется добрее. Хотя в это верилось с трудом. Отель не выбирал добрых. Отель выбирал тех, кто выдержит. Может, у него будет больше даров. Может, он найдёт для неё другой путь.

Он молчал долго. Потом провёл рукой по лицу — устало, тяжело.

— Год, — сказал он наконец. — Один год. Ты будешь работать, получать комнату и еду. Будешь соблюдать мои правила. Не выходить за пределы отеля. И если я замечу, что от тебя исходит угроза — я лично отведу тебя туда, откуда ты пришла.

Елена кивнула.

— Спасибо.

Глеб махнул рукой. Она поняла: разговор окончен.

Елена вышла и прислонилась спиной к двери. Сердце колотилось.

«Справилась, — подумала она. — Я справилась».

Она оттолкнулась от двери и пошла в столовую.

Глеб сидел, глядя на закрывшуюся дверь.

— Дивия, — позвал он громко. — Зайди.

Через минуту дверь приоткрылась. Дивия заглянула в кабинет.

— Ты звал?

— Звал. Заходи, садись.

Дивия села на тот же стул, где только что сидела Елена.

— Я поговорил с Еленой, — сказал Глеб. — Она останется. Будет работать. Пока год.

Дивия вскинула голову, пальцы вцепились в край стола.

— Здесь? С нами? Какого черта! Она же мертва?

— Да.

— Но... — Она замялась. — Глеб, у нас нет комнат для персонала. Только моя, Арыси и...

— Она останется в том номере, где прожила эти две ночи. Двадцатый.

Дивия покачала головой.

— Её не примут. Маришка, Арыся, Лада... Они будут чувствовать. Они поймут, что она...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.